

Захватывающий русский детектив

коммерсант

ДЕТЕКТИВ

Владимир Власов

МОНОМАХ СМЕРТЬ БАНКИРА

Деньги, деньги, деньги...

Владимир Власов

Мономах. Смерть банкира

2015

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Власов В. Н.

Мономах. Смерть банкира / В. Н. Власов — 2015

ISBN 978-985-18-3561-0

На счету террористической группировки, возглавляемой бывшим спецназовцем Игорем Блиновым, убийцей-профессионалом и великолепным тактиком, уже числится с десяток потрясших столицу преступлений. Но главный теракт, который, по расчетам Блинова, должен окончательно закрепить главенствующее положение его группировки в Москве, еще впереди. О планируемой акции становится известно руководству ФСБ. Неизвестный доброжелатель сообщает, что в аэропорту Шереметьево заложена бомба, и даже называет день, когда должен сработать детонатор. Сотрудники спецорганов в растерянности – слишком уж невероятным и чудовищным кажется им задуманное бандитами преступление. Тем не менее в Шереметьево отправляется спецотряд ФСБ, которому предстоит взять под свой контроль аэропорт. Когда в Шереметьево появляется Сергей Толоконников, в прошлом легендарный командир отряда «Смерч», известный по прозвищу Мономах, а ныне владелец охранного предприятия, до взрыва остаются считанные...

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3561-0

© Власов В. Н., 2015

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Владимир Власов

Мономах. Смерть банкира.

Деньги, деньги, деньги...

Часть первая

Глава 1

В тот злополучный день полковник Андрей Всеволодович Токарев забыл в кабинете свои очки. Он вспомнил об этом лишь тогда, когда уже попрощался с секретарем, запер дверь и направлялся по длинному коридору управления к выходу. Когда до поста дежурного оставалось не более десяти метров, Токарев вдруг похлопал себя по карманам и тихо выругался.

– Что за наваждение? – раздраженно спросил он у самого себя и вслух сделал важное открытие: – Кажется, я впервые в жизни опоздаю к ужину!

Полковник Токарев служил в ФСБ уже пятнадцать лет, последние полгода возглавлял отдел по борьбе с терроризмом и ни разу за все это время не нарушал однажды принятого им самим правила: ровно в шесть он покидал кабинет и сразу же переключался на домашние проблемы. Это золотое правило помогло ему во многом. Во-первых, удержаться в управлении долгие годы, в то время как другие его коллеги, с которыми он начинал вместе работать, давно канули в небытие. Во-вторых, у него крайне редко возникали конфликты с женой, а всем известно, что семейные неприятности частенько сказываются на уровне работы. Токарев никогда не отличался особым рвением, никогда не мозолил глаза начальству, но если уж брался за какое-то сложное и ответственное задание, то справлялся с ним успешно, так как с девяти ноль-ноль до восемнадцати ноль-ноль не думал о домашних делах. Короче, у него было четкое разграничение: дом – это дом, работа – это работа. Ко всему прочему, полковник никогда не брал взятки.

Токарев не боялся перемены власти, так как честные профессионалы были нужны всем. А когда ему предложили пост начальника отдела по борьбе с терроризмом, то без колебаний согласился. Ведь любому президенту, будь он красный, розовый или белый, просто необходимо поддерживать порядок в стране, а тем более, в столице.

Да что тут греха таить: полковник Токарев пока на пенсию не собирался. Да и какая пенсия в неполных пятьдесят? По нашим, российским меркам полковник в сорок восемь еще вполне пригоден для строевой, а уж если Бог послал ему такой ответственный пост, то...

Впрочем, на этот счет Токарев не особенно обольщался. Сегодня он возглавлял отдел по борьбе с террористами, а завтра... Чем обернется это «завтра», полковник не хотел загадывать. Может, орден дадут, а может (и это в лучшем случае) отправят на дачу грядки поливать. Жизнь, она, чертовка, непредсказуема!..

Он постоял в коридоре, еще раз на всякий случай похлопал себя по карманам – а вдруг эти злополучные очки найдутся? Ан нет, не нашлись! Значит, остались лежать на столе. В кабинет возвращаться не хотелось (примета плохая), тем более, что полковник был суеверным человеком. Однако какая-то нечистая сила (да, именно нечистая) заставила Токарева повернуться на сто восемьдесят градусов и медленно направиться к запертой двери.

Несколько секунд полковник топтался у кабинета, раздумывая, забирать эти дурацкие очки, без которых он чувствовал себя не в своей тарелке, или нет. И наконец, решился. Сунул

ключ в замочную скважину, два раза повернул вправо, дернул за ручку, переступил порог и... в этот момент зазвонил телефон.

– Что за черт? – вслух выругался Токарев.

Однако он не бросился сломя голову поднимать трубку. Скорее, наоборот: замер и, не поворачиваясь, одними глазами оглядел кабинет. Полковник привык, что на все звонки отвечал его секретарь, который и принимал решение – соединять звонившего с шефом или нет. Но сейчас секретаря на месте не было, ибо рабочий день уже давно закончился. Токарев мог вообще не поднимать трубку. Повернуться и тихо уйти.

Но все то же предчувствие подсказывало, что этот звонок может быть весьма и весьма важным. Возможно, невидимый абонент собирается сообщить сногсшибательную новость (приятную или не очень)?.. Только вот нужно ли ему быть в курсе, полковник еще не решил.

И все же, после некоторых колебаний, Токарев осторожно, как кот подошел к телефону. Нет, он не взял трубку, а уставился на определитель номера. Высветившиеся на маленьком табло цифры свидетельствовали, что звонили из автомата, расположенного в районе Курского вокзала. Токарев озадаченно крикнул и осторожно, двумя пальцами, прикоснулся к телефонной трубке. Затем рывком потянул ее на себя и устало произнес:

– Я слушаю?

– Полковник Токарев? – голос звонившего был невнятным и тихим, словно он прикрывал микрофон носовым платком.

– Да, это я.

– Я звоню вам, чтобы сообщить о готовящемся теракте... – немного скованно начал неизвестный и вдруг заволновался: – Вы меня слушаете?

– Да, конечно! – спокойно ответил Токарев, ни на минуту не сомневаясь в том, что этот поздний звонок не что иное, как чей-то дурацкий розыгрыш.

Номер приемной был известен многим старинным приятелям Токарева, среди которых имелось немало шутников.

Неизвестный доброжелатель смущенно кашлянул и уже увереннее продолжил:

– Первый теракт намечен на шестое июля. В районе Лужников примерно в девятнадцать тридцать будет произведен взрыв. В это время там должен состояться концерт Филиппа Киророва, могут быть многочисленные жертвы. Второй...

– погодите, – властно приказал Токарев и, боясь, что звонивший повесит трубку, быстро спросил: – Откуда у вас такие сведения? И кто собирается взрывать Лужники?

– Второй взрыв будет произведен в аэропорту Шереметьево, – бубнил, словно заведенная машина, неизвестный. – Примерно двадцать шестого июля, в шестнадцать ноль-ноль. Вам о чем-нибудь говорит эта дата? Насколько мне известно, именно двадцать шестого правительственная делегация должна будет вылететь в Японию.

Токарев почувствовал, как от внутреннего напряжения немеет тело. В висках застучали невидимые молоточки, перед глазами поплыли разноцветные круги, и полковник впервые в жизни ощутил дрожь в коленях. Это было противно, невыносимо противно вот так стоять, вытянувшись в струнку, и тупо слушать какого-то обкурившегося маньяка. Тем более, что о вылете правительственной делегации Токарев слышал впервые.

– Откуда у вас такие точные сведения? – наконец выдавил из себя полковник. – И кто вы?

– Это неважно. Просто доброжелатель. Я имею к этим взрывам некоторое отношение, но как честный человек решил предупредить вас.

– Поздно же вы сообразили, – не зло пробурчал Токарев. – Ведь сегодня, если я не ошибаюсь, как раз шестое июля!

– Раньше я никак не мог...

– Откуда вам известен номер моего телефона? – сурово уточнил полковник, не надеясь на правдивый ответ.

Доброжелатель, явно чего-то испугавшись, прервал связь. Об этом Токарева известили короткие гудки, повторявшиеся с навязчивой периодичностью.

– Ну и дела, – пробормотал полковник и на всякий случай посмотрел на часы.

Он знал, что все его разговоры прослушиваются и записываются на пленку. Хотя бы поэтому Токарев был обязан как-то отреагировать на этот анонимный звонок. И хотя по мнению полковника сведения неизвестного не заслуживали пристального внимания, он решил не сидеть сложа руки по двум простым причинам.

Во-первых, откуда посторонний мог узнать номер телефона приемной Токарева? Такие данные не давало ни одно справочное бюро. А в телефонной книге этого номера, даже если читать между строк, подавно не было.

Во-вторых, полковник Токарев просто-напросто решил подстраховаться. А вдруг (чем черт не шутит?) взрыв в Лужниках все-таки произойдет. Тогда Токареву ни за что ни про что снесут голову, то бишь уволят в запас за то, что не сумел правильно сориентироваться в ситуации.

Короче, поразмыслив несколько секунд, полковник нажал на рычаг, набрал номер телефона дежурного и попросил немедленно соединить с отделением милиции того района, где находились Лужники.

После того, как его приказ был исполнен, и в трубке зазвучал по-мальчишески задорный голос лейтенанта, фамилию которого Токарев естественно не запомнил, полковник представился. Выдержав подобающую случаю паузу, коротко и ясно изложил ситуацию, не забыв при этом поделиться своими соображениями. Дескать, он знает, что на концерте обычно дежурит несколько десятков работников милиции, но неплохо бы послать в Лужники группу быстрого реагирования. Так сказать, в качестве подкрепления.

К его немалому удивлению дежурный лейтенант оказался толковым малым. Он записал все данные и пообещал, что будет держать полковника в курсе происходящего. Токарев положил трубку на рычаг и задумался. Он сделал все, что мог, и его совесть была чиста. Но что-то мешало полковнику расслабиться и, плюнув на все, закончить этот слишком длинный день рюмочкой коньяку. А коньячок у Токарева имелся. И не какая-нибудь импортная дрянь, а самый настоящий армянский, семигодовалой выдержки. И стоял он в дальнем шкафу, за книгами. Только сделай три шага, и...

Однако Токарев не сдвинулся с места, хотя выпить очень хотелось. Он даже облизнул пересохшие губы и нервно застучал пальцами по полированной поверхности стола.

«Позвоню-ка я Ивану Кричевскому, – вдруг подумал Токарев. – Может, он чего посоветует?»

Майор Иван Кричевский работал в секретной школе ФСБ, так сказать, учил новичков коварным шпионским приемам. Но не только обороняться и наступать, применяя при этом разнообразные виды борьбы. Иван был спецом, каких мало, и занимался разработкой всевозможных взрывных устройств – бомбы в фотоаппаратах; в шариковых и чернильных ручках; бомбы в виде жевательных резинок, которые взрывались после того, как соединишь два цвета. Многие из этих «хлопушек» Кричевский придумал и изготовил сам.

«У каждого мужика должно быть какое-нибудь хобби, – любил повторять он. – Одни коллекционируют баб, другие предпочитают все свободное время смотреть на поплавок, третьи орать “гол” или “шайбу”, а я обожаю собирать разные взрывоопасные прибабасики».

С Иваном Кричевским полковника Токарева связывали давние дружеские отношения. Они познакомились лет семь назад, когда полковнику понадобилась консультация опытного специалиста по «хлопушкам». Несколько встреч стало достаточно для того, чтобы взаимная симпатия переросла в крепкую дружбу. Несмотря на значительную разницу в возрасте (Ивану было всего лишь тридцать) полковнику Токареву нравилось проводить все свободное время

в компании этого молодого, перспективного офицера. Они вместе ездили на рыбалку, вместе отдыхали на полковничьей даче, да и жене Токарева Иван сразу же пришелся по душе.

Кричевский был высоким, красивым молодым человеком с ярко-синими чуть раскосыми глазами. Темные волосы выгодно оттеняли его бледное лицо с едва заметными шрамами возле носа. Эти шрамы были последствием пластической операции, которую Ивану пришлось пережить три года назад. Под нож к хирургу Кричевский попал не по собственной прихоти, а по необходимости – из-за неопытности стажера в метре от Ивана взорвалась граната. Только чудо, да и вера в собственные силы помогли Кричевскому выжить.

Если бы не чересчур тонкие губы, то Ивана вообще можно было бы считать эталоном мужской красоты. Многие художники не отказались бы от такой благодатной натуры – высок, пропорционален, широкоплеч, но не слишком накачан. Все в меру, все при нем. Наверное, многие женщины оборачивались при виде Кричевского, а потом долго смотрели ему вслед, тайно мечтая о таком шикарном любовнике. Но Иван словно и не замечал этого. Он никогда не считал себя писанным красавцем, скорее наоборот. Когда Кричевскому говорили, что он красив, Иван смущался, что-то бубнил себе под нос и покрывался густым румянцем. Такого понятия, как «женщины» для него вовсе не существовало. Нет, он не был женоненавистником, но со слабым полом не желал иметь никаких серьезных дел. Иногда мужская плоть брала свое, и тогда Иван ехал к своей старой знакомой, с которой встречался уже десять лет. Проводил у женщины ночь, а потом напрочь забывал о ее существовании.

– Почему ты не женишься? – часто спрашивал у него Токарев.

Иван лишь пожимал плечами.

– Не знаю, – искренне отвечал он. – Наверное, не встретил еще свою судьбу.

– А когда встретишь, то сразу поймешь, что это и есть судьба?

– А почему бы и нет...

Токарев долго размышлял, прежде, чем позвонить Ивану. Маленькая стрелка его наручных часов неумолимо приближалась к семи, но полковник не торопился.

«Интересно, сколько раз в день районное отделение милиции принимает подобные наводки? – думал он. – Наверняка, девяносто девять процентов из них оказываются ложными... Так что, не стоит беспокоиться по пустякам. Не стоит... Только вот как этот анонимщик мог узнать мой номер телефона? И почему позвонил именно мне? Любое отделение гораздо быстрее среагировало бы на это сообщение... А посоветоваться с Иваном будет не лишним. Нет, не лишним. Только чем он сможет мне помочь?..»

Однако, повинаясь внутреннему голосу, Токарев положил на стол свой дипломат, щелкнул замками, поднял крышку и достал из дипломата сотовый телефон. Он приобрел эту новомодную штучку совсем недавно, всего месяц назад. Но не для того, чтобы выпендриться перед знакомыми, и не потому, что позволяли финансовые возможности. Причина таких невероятных трат была весьма банальной – Токарев хотел сохранить некоторые телефонные разговоры в тайне.

«Вот дожился, – с неприязнью подумал он, набирая номер Кричевского. – Только так я могу быть уверенным на все сто, что мою болтовню с Иваном никто не прослушает».

Однако поговорить со старым другом полковник не успел – телефон, стоящий на столе, громко зазвонил. Токарев нервно дернулся и вновь облизнул губы. Нажал на кнопку «отбой», спрятав сотовый в карман пиджака и схватил трубку.

– Алло?

– Товарищ полковник? Это вас лейтенант Сидорцов беспокоит, из районного отделения милиции.

– Я узнал вас, лейтенант, – Токарев попытался представить себе, как выглядит этот паренек, с которым он разговаривал пару минут назад.

«Наверное, безусый, бледнолицый незаметный тип... Все еще считает свою профессию самой нужной и важной... Взятки пока не берет, живет в общежитии, верит, что приносит пользу обществу».

– Да, я вас внимательно слушаю, – полковник попытался придать голосу значимость.

– Вы просили держать вас в курсе... – на мгновение лейтенант заколебался, а потом решительно продолжил: – В районе Лужников никаких подозрительных предметов не обнаружено. Тем более, что сегодня там никакого концерта нет.

– Как нет? – искренне удивился Токарев.

– Концерт Киркорова отменили, товарищ полковник. Певец заболел.

– Ну что ж, я рад, что мои подозрения не подтвердились, – искренне признался Токарев и собирался было повесить трубку, как вдруг почувствовал, что лейтенант собирается что-то добавить.

Он не ошибся.

– Группой быстрого реагирования на территории Новодевичьего кладбища был найден труп молодого мужчины, – как-то устало сообщил лейтенант. – Когда члены следственно-оперативной группы попытались перевернуть тело, прогремел взрыв. В результате десять сотрудников прокуратуры, милиции и медики получили осколочные ранения. Один из милиционеров скончался на месте.

Полковник не сразу нашелся, что сказать. Лишь спросил:

– Труп использовали в качестве взрывного устройства?

– Нет. Экспертам удалось установить, что бандиты подложили под живот жертвы гранату РГД-5.

«Вот оно, началось, – Токарев почувствовал, как невидимые молоточки в голове вновь напомнили о себе. – Значит, этот неизвестный не обманул, и двадцать шестого, ровно в шестнадцать террористы вновь напомнят о себе».

– Личность убитого установлена?

– Да. В кустах, неподалеку от взрыва, оперативники обнаружили дипломат с документами на имя Т. С. Цаплина, а также визитки, бланки и некоторые бумаги, подтверждающие то, что убитый является президентом коммерческого банка «Юнона» и членом Круглого стола «Бизнес России».

– Что ж, спасибо за исчерпывающую информацию, – с усилием поблагодарил полковник. – И предупредите ваше начальство, что завтра мой отдел вплотную подключится к расследованию этого зверского преступления.

Токарев был настолько шокирован этим известием, что даже не попрощался с лейтенантом. Просто положил трубку на рычаг и устало опустился на стул. Но не просидел и минуты – решительно поднялся и быстрым шагом направился в свой кабинет, к заветному шкафчику. Погремел ключами, открыл дверцу, вытащил на свет Божий коньячок и зубами откупорил бутылку. Воровато огляделся, словно в кабинете кроме него мог быть кто-то еще, и приложился к горлышку. Сделав несколько глотков, почувствовал, как сорокадвухградусный коньяк ожег небо. Однако упрямо продолжал пить, продолжал вливать в себя спиртное, давился, но пил, пил, пил. Когда бутылка наполовину опустела, он почувствовал себя намного лучше. Однако ощущение тревоги не проходило. Просто спряталось куда-то вглубь. Токарев допил остатки коньяка, но совершенно не опьянел. Бросил пустую бутылку в мусорное ведро, захватил дипломат и вышел из кабинета. По длинному коридору управления он шел прямо, с гордо поднятой головой. Он не думал о смерти финансиста Цаплина, потому что понимал – смерть банкира не что иное, как первый ход неизвестного, но очень опасного противника, с которым ему, Токареву, придется столкнуться.

Глава 2

Сергей Толоконников, генеральный директор охранного предприятия «Олимп», сидел в своем кабинете и задумчиво перебирал присланные на адрес фирмы счета. В последнее время дела шли не ахти как – в столице развелось так много охранных фирм, что приходилось пахать, как папа Карло, дабы достойно выдерживать конкуренцию.

Еще полгода назад Сергей и думать не думал, что будет заниматься бизнесом. Он возглавлял один из специальных отрядов ФСБ, имел звание майора, воевал в горячих точках, и всегда побеждал. Мало кто знал его настоящее имя, и даже подчиненные обращались к Сергею не «товарищ майор», а так, как было написано в его секретном досье – «Мономах». Тогда он и вправду был Мономахом – смелым, решительным, бескомпромиссным, уверенным в том, что одним своим приказом может перевернуть политическую ситуацию в стране. Да, случалось и такое...

Свою последнюю боевую операцию Толоконников запомнил на всю жизнь: Чечня, горы, взрывы, вражеские снайперы, преследующие отряд по пятам. Вначале бойцов было пятнадцать, затем, после очередной попытки вырваться из оцепления – десять, потом девять... Короче, из Чечни в Москву вернулось трое. Двое отделались легкими ранениями, а Мономаху не повезло – осколок прочно засел в позвоночнике, и Сергея парализовало обе ноги. Только в госпитале он понял, что там, в Чечне их сдали свои же. Сдали, потому что на противоположную чашу весов были положены зеленые, пахнущие нефтью бумажки.

В госпитале Сергей принял важное для себя решение. Он не хотел просто существовать, а хотел жить нормальной полноценной жизнью и быть полезным России. Вот тогда-то он и задумал открыть свое охранный предприятие, потому что кроме, как воевать, ничего больше не умел. И еще, у Толоконникова была заветная мечта – стать на ноги. И хотя врачи не давали никакой гарантии, Сергей был твердо убежден, что когда-нибудь он сможет ходить. А пока приходилось повсюду передвигаться на автомобиле с ручным тормозом и переключателем скорости. Эту машину, переоборудованную специально для инвалида, он заказал в Германии. Толоконников не желал сидеть в четырех стенах, отдавая приказы по телефону, а стремился активно участвовать в деятельности своей компании.

Приезжая в свой офис, он пересаживался в легкую, компактную коляску и с головой погружался в решение насущных проблем. Многие удивлялись, как можно плодотворно работать в таких, мягко говоря, неблагоприятных условиях. Но фирма Сергея выдерживала самую жесткую конкуренцию и назло всем процветала. Охранное предприятие «Олимп» пользовалось отменной репутацией. И в первую очередь потому, что в нем работали настоящие профессионалы. Впрочем, профессиональными охранниками сейчас никого не удивишь. Просто Толоконников однажды пошел на принцип – не иметь никаких конфликтов с законом, и с тех пор четко придерживался этого правила. Даже за очень большие бабки Сергея нельзя было заставить работать на «крестных отцов» города, что особо ценили начинающие бизнесмены. Короче, у «Олимпа» был свой контингент – «новые русские», только-только вставшие на тернистый путь бизнеса. Предприятие выполняло не только охранные функции, но и оказывало детективные услуги. Правда, Сергей четко отбирал клиентуру. Перед тем, как подписывать контракт, старался выяснить о заказчике все и лишь потом давал «добро».

Клиентов Мономах обычно принимал сам. Договаривался заранее, назначал время. Вот и сейчас, мельком взглянув на часы, отметил про себя, что с минуты на минуту к нему должны зайти. Спрятал в шуфлядку счета и небрежно пододвинул на край стола прайс, чтобы сразу же ознакомить клиента со стоимостью услуг. Прошло пятнадцать минут, а клиент все не появлялся.

– Опаздывает, – недовольно пробормотал Толоконников, так как терпеть не мог необязательных людей.

В этот момент сотовый телефон, лежащий на столе, требовательно запиликал.

– Алло? – отозвался Толоконников.

– Сергей Владимирович? – в трубке послышался голос секретарши. – К вам пришли.

Уверенный, что это явился тот самый владелец ресторана, которому назначена встреча, Сергей буркнул, что согласен его принять. Секретарша что-то пролепетала в ответ, но Толоконников не дослушал ее до конца – иногда эта слишком эмансипированная девица его раздражала.

Он прервал связь и с нетерпением уставился на входную дверь. Когда дверь распахнулась, и порог переступила молодая женщина в деловом костюме английского покроя, Толоконников не сразу нашелся, что сказать. Во-первых, он внутренне подготовился увидеть совершенно иного человека, занудного владельца ресторана. Во-вторых, вошедшая была столь красива, что Сергей здорово испугался – не начались ли у него галлюцинации. И лишь когда кабинет наполнил аромат дорогих духов, понял – нет, это ему не мерещится.

– Здравствуйте, – чуть хрипловатым голосом поздоровалась гостья (язык не поворачивался назвать ее «посетительницей»). – Меня зовут Юлия Свиридова, я генеральный директор мебельного салона «Шарм».

– Очень приятно, – медленно протянул Толоконников. – Проходите, садитесь.

Ему и в самом деле было приятно, что такая красивая женщина открыла свое собственное дело. Да что греха таить – Сергей ее сразу зауважал.

Юлия Свиридова решительно направилась к высокому креслу, стоящему у стола, и вдруг заметила инвалидную коляску Толоконникова. Удивленно вздернула брови, но ничего не спросила.

«Ага, значит она пришла ко мне сама по себе, а не по чьей-то рекомендации, – догадался Сергей. – Наверное, прочитала рекламу в газете».

– Обычно прежде, чем принять клиента, я договариваюсь с ним по телефону на определенное время, – как бы между прочим заметил он.

Юлия рассеянно кивнула, открыла кожаный ридикюль и достала из него пачку сигарет.

– Можно?

– Да, курите.

Сергей пододвинул Юлии пепельницу. Женщина щелкнула зажигалкой, глубоко затянулась и несколько секунд молча посматривала на дым своей сигареты. В ее лице появилось что-то неуловимозагадочное, ну самая настоящая Дама с камелиями.

– Вам нужна охрана? – первым не выдержал Сергей.

Его утомило это многозначительное молчание, словно на первом свидании.

– Да, мне нужна охрана, – как эхо повторила Юлия.

– Что ж, ознакомьтесь с нашими расценками, – Толоконников пододвинул заказчице бланк. – Если они вас устроят, то заполните анкету, составьте график работы вашего предприятия... да что тут говорить, вы все сами прочтете.

– Мне не нужно охранять мой салон, – с чувством продолжила Свиридова. – Мне нужен личный охранник. И самый лучший.

– У нас работают одни профессионалы.

– Что ж, тем лучше, – кивнула женщина. – Я заплачу, сколько нужно, только из этого кабинета я должна выйти не одна.

«Не похоже, что она напугана, – подумал Сергей. – Однако ведет себя, по меньшей мере, странно».

– Вы не подумайте, что я отличаюсь нездоровым любопытством, – издали начал он, – но сейчас я задам вам несколько вопросов, на которые вы постараетесь ответить искренне. По мере возможности, конечно.

– Задавайте, – равнодушно кивнула Юлия.

– Зачем вам нужен охранник?

– Глупее вопроса не придумаешь. Охранник мне нужен для того, чтобы он охранял меня. Ясно?

– Вам кто-то угрожает?

Свиридова громко фыркнула и нервно затушила сигарету. В ее прекрасных глазах полыхал гнев, а губы искривила презрительная улыбка.

– Это не ваше дело! Не хотите со мной работать, не надо. Я обращусь к другому агентству, где к моим проблемам отнесутся с пониманием.

– Обращайтесь, – спокойно ответил Толоконников. – Я не собираюсь навязывать вам свои услуги... Извините, что не могу проводить вас до двери.

Он ожидал, что Юлия тут же встанет, бросится к выходу, громко хлопнет дверью, однако женщина не сдвинулась с места. Лишь достала из пачки новую сигарету и принялась мять ее в длинных, тонких пальцах.

– Простите меня за грубость, – эту фразу она произнесла тоном кающейся девочки. – В последнее время я нахожусь в несколько подвешенном состоянии. Много работы, вот иногда и срываюсь по пустякам. Я была не готова к вашим вопросам, хотя прекрасно понимаю, что вы задаете их не из праздного любопытства. Мне больно рассказывать обо всем, что со мной произошло, но...

Она сделала эффектную паузу, дабы заинтересовать собеседника. Однако, не заметив в глазах Толоконникова любопытства, продолжила уже совершенно нормальным голосом:

– Несколько дней назад был убит президент коммерческого банка «Юнона» Тимофей Сергеевич Цаплин.

– Да, я слышал об этом.

– Все дело в том, что Тимофей Цаплин был моим любовником. Мы познакомились полгода назад, на одной из презентаций. И я, и он считали себя независимыми людьми, и для каждого из нас на первом месте была карьера. Возможно, именно поэтому я три года назад развелась со своим мужем, а Цаплин ушел из семьи и того раньше. Мы оба и не мечтали о настоящей любви, но разве она нас спрашивала? Пришла и все тут...

Юлия тяжело вздохнула, и Сергей понял, что она переживает случившееся гораздо глубже и сильнее, чем хочет показать.

– Мы окунулись в это чувство с головой, – с усилием продолжила Свиридова. – И совсем забыли о работе... Это был восхитительный период безумства. Во время обеденного перерыва он заезжал за мной на своей машине, и мы отправлялись в «Националь», где Тимофей снимал самый шикарный номер на час. Иногда этот час затягивался до вечера, мы возвращались каждый в свою квартиру, а на следующее утро посыльный приносил мне букет альпийских эдельвейсов. Мы посылали друг другу на пейджер бесстыдные сообщения, делали сумасшедшие подарки, сбегали с важных мероприятий, а все наши дела решались сами собой.

– Многообещающее начало, – не преминул заметить Толоконников.

– Да, только в один прекрасный момент я обнаружила, что количество запущенных дел превысило все допустимые пределы. В моей фирме царит сброд и шатание, все висит на телефонах, а секретарша меняет цвет ногтей по пять раз в день. Я взяла себя в руки и принялась затыкать образовавшиеся дыры. Медовый месяц закончился, и мы оба это понимали. Нет, мы не перестали любить друг друга. Просто он, в отличие от меня, не хотел откладывать деловые свидания и честно признавался, что на меня у него почти не остается времени. Он компенсировал несостоявшиеся встречи шикарными орхидеями, дорогими украшениями. Я стала

тосковать, и у секретарши опять появилась возможность висеть на телефоне. Но в один прекрасный момент я поняла, что так дальше продолжаться не может. Я купила себе два новых платья, слетала в Париж, короче, начала сражаться с депрессией. В наших отношениях наметился бесплодный, но стабильный и мирный период. За месяц до смерти Тимофей сделал мне предложение, но я ему отказала.

– Почему? Вы ведь любили его.

Юлия грустно усмехнулась.

– Работа отнимает у меня так много времени и сил, что на домашние дела почти не остается энергии. А если бы я вышла замуж, то... Знаете, ведь все мужчины эгоисты. И хотя они утверждают, что терпеть не могут истерик и выяснения отношений, в отсутствие таковых начинают скучать. К тому же, они обожают, когда им смотрят в рот и бесконечно повторяют, что он – самый умный, самый гениальный. И при всем при этом бесконечно кормят, кормят, кормят... Впрочем, что я вам объясняю? Вы сами прекрасно все понимаете... Правда?

– И что было дальше?

– Дальше? – Юлия на мгновение задумалась. – Я продолжала заниматься своей фирмой, вела деловые переговоры, открывала новые магазины. Тимофей с головой окунулся в проблемы своего банка. Мы стали встречаться крайне редко – раз в неделю. Возможно, наша связь продолжалась бы многие годы, если бы его не убили.

– Расскажите мне все, что вы думаете об этом, – мягко, но твердо попросил Толоконников. – Я имею ввиду его смерть... Ваш друг стал случайной жертвой разборок, или преступники охотились именно за Тимофеем Цаплиным?

Юлия пожала плечами и достала из пачки новую сигарету – третью за последние полчаса. Перехватив взгляд Сергея, виновато улыбнулась, дескать, у каждого из нас свои недостатки.

– Во время последней нашей встречи, как мне показалось, Цаплин был чем-то обеспокоен, – она с наслаждением затянулась и выпустила тонкую струйку дыма через нос. – Цаплин назначил мне свидание в клубе «Максим», я чуть опоздала. Минут на пятнадцать, не больше, но он почему-то здорово разозлился. Ни с того, ни с сего стал отчитывать меня при всех. Я обиделась, потому что не смогла прийти вовремя не по своей вине. Попыталась объяснить ситуацию, но Тимофей даже не пожелал меня слушать. Тогда я заявила, что он не имеет никакого права так унижать меня... Короче, мы поссорились, и я уехала домой. Когда я поднялась в свою квартиру, то получила от Тимофея сообщение на пейджер. Он просил простить его и обещал приехать в восемь. Я прождала его всю ночь, но он так и не появился. На следующий день я узнала, что Тимофей погиб.

– Грустная история, – согласился Сергей. – Но что заставило вас обратиться в наше агентство?... Страх?

Юлия отрицательно покачала головой.

– Нет, это чувство нельзя назвать страхом. Скорее, предчувствием опасности. Знаете, последние несколько дней меня не покидает ощущение, что за мной следят.

– Можно поконкретнее?

– Куда бы я не поехала, меня повсюду сопровождает зеленая «Вольво» с затемненными стеклами. Машина держится от меня на почтительном расстоянии, и мне ни разу не удалось разглядеть ее пассажиров. Мне почему-то кажется, что эта слежка как-то связана со смертью Тимофея.

– Может, это ваш тайный воздыхатель? – предположил Сергей.

– Нет, – категорично заявила Свиридова. – Только идиот будет обращать на себя внимание таким образом. А если вы правы, то почему этот тайный воздыхатель так лихо укатил от меня, когда я попыталась вступить с ним в контакт?

«Смелая женщина», – удивился Сергей и спросил:

– О каком контакте идет речь?

– В один прекрасный момент мне все это осточертело, и я решила рискнуть. Поставила машину на стоянке у офиса и бегом бросилась к этой «Вольво». Нас разделяло не более метра, как автомобиль резко рванул с места, а мне не оставалось ничего другого, как помахать ему ручкой... Именно поэтому я хочу нанять охранника.

– Не знаю, не знаю, – пожал плечами Толоконников. – Лично я не вижу никакого повода для паники. Вам ведь не угрожали?

– Этого еще не хватало! – фыркнула женщина.

Только что Свиридовой «тонко» намекнули о том, что она раздувает из мухи слона, но это ничуть не успокоило ее. Наоборот, Юлия заметно занервничала. Ее губы дрогнули, на лбу появились две неглубокие морщинки, а во взгляде – растерянность.

– И все-таки, мне будет гораздо спокойнее с охранником, – упрямо повторила она. – Его присутствие придаст мне уверенности в собственной безопасности.

– Я постараюсь вам помочь, – пообещал Толоконников. – Заполняйте анкету, и завтра ровно в восемь наши сотрудники приступят к выполнению своих обязанностей.

– Почему «завтра»? – в голосе Юлии послышалось возмущение. – Неужели нельзя при-
слать охранника сегодня?

«Она боится гораздо сильнее, чем ей кажется, – догадался Толоконников. – Но почему? Если все то, что она рассказывала – правда, то один день ничего не решает».

– На данный момент у меня нет свободных людей, – соврал он. – Но я даю вам честное слово, что завтра...

Юлия резко вскочила со стула, при этом случайно задев сумочкой пепельницу. Огромная, хрустальная бандура с грохотом упала на пол и разбилась на множество блестящих осколков. Толоконников никак не среагировал на эту «маленькую» неловкость клиентки. Он все утро ожидал чего-то подобного, и очень удивился, что Свиридова не расквасила что-то более весомое и дорогое. Например, шкаф или компьютер. Или не схватила со стола сотовый телефон и не грохнула его оземь... Чувствовалось, что Юлия напряжена, испуганна, и что ей порядком надоело строить из себя эмансипированную женщину.

– Я сделаю все, что в моих силах, – неожиданно для самого себя сказал Сергей.

Глава 3

Смерть банкира Цаплина потрясла весь финансовый мир столицы. Почти целую неделю по Москве ходили всяческие слухи и сплетни, пока ушлые журналисты не раскопали на Цаплина потрясающий компромат. Как оказалось, когда-то давно, еще в начале девяностых, банкир дружил со знаменитым депутатом Станкевичем, который теперь находился в Варшаве под домашним арестом. И сразу в газетах и журналах появились всевозможные версии, одна круче другой. Корреспонденты НТВ даже сумели взять интервью у Станкевича, который напрочь отрицал связь с убитым банкиром. К концу второй недели расследование зашло в тупик – убийцы не оставили никаких следов и зацепок. Это казалось, по меньшей мере, странным, так как на поиски преступников были брошены самые лучшие специалисты. И только полковник Токарев знал, что смерть Цаплина можно смело отнести к разряду случайностей. На месте финансиста мог оказаться кто угодно, и связь следует искать не в прошлом и настоящем Цаплина.

Пока следователи и оперативники пересматривали документы, искали улики, допрашивали сотни свидетелей, Токарев занимался совершенно иным делом, на первый взгляд никак не связанным с убийством финансиста.

Проанализировав ситуацию, полковник решил, что теракт (если верить неизвестному доброжелателю), намеченный на двадцать шестое июля, необходимо предотвратить. Во всяком случае, попытаться до нюансов просчитать действия потенциального противника. Естественно, сделать это оказалось непросто, так как Токарев даже не представлял, что за организация стоит за всем этим.

«Возможно, отечественные бандиты решили поразмяться и устроить в Шереметьево Варфоломеевскую ночь. А возможно, чеченские боевики или залетные украинцы... – рассуждал он. – Впрочем, совсем неважно, кто эти ребята. Меня смущает совсем иное. Отважится на такое рискованное предприятие могут только те, кто знает аэропорт, как свои пять пальцев. Ведь Шереметьево тщательно охраняется, да и техническое оснащение у них на высшем уровне. Перед тем, как установить в аэропорту взрывное устройство, нужен подготовительный этап, говоря казенным языком, изучение местности. Возможно, террористы уже начали подготовку к операции. Небось, крутятся в зале ожидания, ищут слабые места...»

Вывод напрашивался сам собой – террористов необходимо остановить, но так, чтобы они ничего не заподозрили. Так сказать, без лишней суеты и ненужных жертв. Токарев был уверен – это задание не из легких, и справится с ним не каждый. Сработать без лишнего шума, а если понадобится, и применить оружие (естественно, без ущерба для гражданского населения) способны лишь бойцы, прошедшие спецшколу ФСБ.

На поиски профессионалов были брошены все сотрудники отдела. Сам же полковник Токарев только принимал или отметал предлагаемые кандидатуры. Нельзя сказать, что он не доверял своим подчиненным. Доверял. Но в этой операции ему хотелось задействовать новых людей, которых он впоследствии собирался переманить к себе. Увы, но в последнее время управление не могло похвастаться избытком спецов, способных грамотно и, главное, успешно противостоять террористическим формированиям. К тому же среди профессионалов наблюдалась так называемая «текучесть кадров»... Что поделаешь – в последнее время терроризм стал обыденным явлением. Не было ни одного дня, чтобы на улицах столицы не гремели взрывы, не совершались убийства. Москва стала похожа на Чикаго тридцатых годов, где всем заправляла мафия, а полицейским, чтобы поддерживать порядок, приходилось действовать сверхжестко и решительно, часто рискуя собственной жизнью.

Возглавлять группу, получившую кодовое название «Омега», должен был Иван Кричевский. Конечно, злые языки могли упрекнуть полковника в том, что он предложил на эту ответ-

ственную должность своего друга. Однако те, кто хорошо знал Кричевского, ни на минуту не усомнились бы в том, что с подобным заданием он справится гораздо лучше, чем кто-либо другой.

Кроме Ивана, которому Токарев доверял, как самому себе, в состав группы «Омега» вошли еще пять человек. Всего шесть. Шестеро молодых парней, которым предстояло спасти сотни людей и обезвредить террористов. На первый взгляд задача казалась непосильной, но и Токарев, и Кричевский были твердо уверены, что в данном случае дело не в количестве бойцов, а в их умении грамотно ориентироваться в критических ситуациях. Короче, после долгих проверок они остановились на пяти выпускниках секретной школы ФСБ, старшему из которых было всего лишь двадцать два.

Его звали Виктор Попов, и он считался самым способным «подрывником» в выпуске. Из любой безделушки мог соорудить бомбу замедленного действия, причем в самой невинной оболочке, типа «Киндер-сюрприза», с опасной тротиловой начинкой. Виктор разбирался во всех взрывных механизмах и легко справлялся с любыми, даже самыми замысловатыми устройствами. Единственным недостатком Попова был его слишком мягкий характер. На занятиях по борьбе он частенько сдавался первым, но не потому, что был слабее противника. Просто считал неудобным побеждать. А если ему удавалось хитрым приемом свалить противника на землю, он долго извинялся и разводил руками, дескать, сам не пойму, как у меня это получилось.

Вот таким был Виктор Попов – мягким и податливым, умным и ловким, особенно, когда дело касалось его «тротильных игрушек». Однажды он даже смутил своего учителя Кричевского, подсунув тому схему взрывного устройства, запаянного в губную помаду. Взрыв происходил тогда, когда губы соприкасались с содержимым тюбика...

Короче, кандидатура Попова после некоторых колебаний была утверждена единогласно.

Вторым человеком в списке бойцов «Омеги» стоял Александр Приказчиков, единственный из выпускников школы, за плечами у которого был богатый практический опыт. Александр Приказчиков считался лучшим снайпером в группе, и уже доказал это на деле. Он родился и жил в Мурманске, и с самого детства дни и ночи пропадал в тире. Во время службы в армии он попал в Чечню, где его способности сразу же оценили по достоинству. Приказчиков стал снайпером, и спустя три месяца на его счету было около двадцати боевиков, на каждого из которых Саша потратил по одному выстрелу.

По сути, снайпер – это хладнокровный убийца, но Приказчиков относился к своей работе скорее равнодушно, чем как-то иначе. Выбрав будущую жертву, спокойно рассматривал ее сквозь оптический прицел, выжидая нужный момент. Потом замирал на несколько минут и нажимал на курок. Чаще всего он стрелял с неудобного положения – градусов сорок, тридцать. При таких «зверских» условиях попасть в цель мог только настоящий профессионал. Возможно поэтому вскоре Александру предложили пройти стажировку в секретной школе ФСБ, где из него собирались сделать самого настоящего киллера. Он согласился, но не потому, что мечтал именно о таком будущем. Просто Александру не оставили выбора.

Приказчиков был маленьким, худощавым блондином с холодными, серыми глазами. Мелкие зубы придавали ему неуловимое сходство с хищником. Хорьком или каким-либо другим представителем этой породы. У него была отталкивающая внешность, да и характер тяжелый. Поэтому среди своих однокурсников Александр держался особняком. Сторонился их, что ли? Или считал ниже своего достоинства заводить с кем-либо дружеские отношения? Короче, напрочь отвергал все попытки сближения, и тем самым заслужил репутацию скользкого типа, парня «себе на уме».

Почему из десятка предложенных снайперов майор Кричевский посоветовал Токареву выбрать именно Приказчикова, полковник так и не понял. Многие ребята имели призы за отличную стрельбу по движущимся мишеням, да и характеры у них были более открытые.

Когда полковник спросил Кричевского, чем обоснован такой странный выбор, тот лишь усмехнулся. Помолчал, а потом ответил:

– Знаешь, а ведь для того, чтобы стать хорошим снайпером, мало дни и ночи напролет долбать мишени. Хорошим снайпером надо родиться. Это талант, данный Богом.

– Ты хочешь сказать, что Перевозчиков обладает таким талантом?

– Он может попасть в объект даже с завязанными глазами. Он интуитивно чувствует цель. А тебе ведь нужны самые лучшие, разве не так?

Полковник согласно кивнул.

– Так вот, при всех недостатках, Перевозчиков – самый лучший, – продолжил Кричевский.

Этот аргумент перевесил все остальные. Так Александр Перевозчиков попал в список бойцов «Омеги».

В качестве «боевиков» Кричевский предложил Токареву двух чемпионов по самбо, двух Андреев, Заводчиков и Полозкова. Эти парни были хороши тем, что отлично работали в паре. Нет, и по одному они выдавали высший класс, поражая зрителей отточенным мастерством ударов, захватов, неких хитрых приемчиков-бросков. Однако два Андрея, большой и маленький, особо гармонично действовали вместе. Они понимали друг друга с полуслова, и иногда хватало одного незначительного жеста, чтобы вдвоем справиться с шестью, семью, десятью противниками.

Андрей Заводчиков был огромным, как сибирский медведь, с гигантскими ручищами, ножищами, груда мускулов, да и только. Ну чем не русский Шварценеггер. Только характер у него, в отличие от внешности, был мягким, как воск.

Андрей Полозков являлся полной противоположностью партнера – маленький, юркий, как ящерица, с огромными голубыми глазами первоклассника и кукольным, совсем не мужским личиком. Однако среди своих однокурсников Полозков слыл деспотом, упрямым и жмотом.

Единственное, что связывало этих двух совершенно разных людей, так это их крепкая, искренняя дружба. Благодаря этой дружбе, каждый из Андреев незаметно для самого себя становился чуть лучше – мягкий Заводчиков, глядя на своего товарища, от случая к случаю проявлял характер, а бескомпромиссный Полозков научился прощать мелкие обиды.

Пятым бойцом команды «Омега» неожиданно для всех стал Илья Скурехин, человек, который совершенно не умел постоять за себя. В плане физическом, разумеется, так как в интеллектуальных баталиях Илья мог дать фору кому угодно. Да и среди инструкторов, обучавших курсантов работать с компьютерной техникой, Скурехин пользовался особым уважением. Собственно, Илью и держали в секретной школе только из-за его феноменальных успехов в области виртуальной реальности. Он умел все: писать сложные программы, взламывать любые коды, владел не только английским, но и немецким, французским и даже венгерским языками. Но Илья разбирался не только в компьютерах, он был на «ты» почти со всеми видами техники. Не считая, конечно, оружия. У Ильи было паническое отвращение ко всему, что стреляет, а пистолет он брал в руки лишь по необходимости. А так как эта необходимость возникала каждый день (никто ради Скурехина не отменил тренировки в тире) в конце концов Илья научился вполне прилично стрелять.

Прежде, чем поведать бойцам «Омеги» о том, какое важное и сложное задание их ожидает, полковник Токарев решил поближе познакомиться с этими ребятами. Из своего напряженного графика он сумел выкроить несколько часов и отправился в секретную школу ФСБ, чтобы воочию убедиться в том, что его выбор пал именно на тех людей, которые способны справиться с поставленной перед ними задачей.

Школа, где готовили агентов специального назначения, располагалась в небольшом сосновом лесу, в пятнадцати километрах от Москвы. На первый взгляд – самая обычная «учебка»:

высокий забор, металлические ворота, контрольно-пропускной пункт. Но это только на первый взгляд. Оказавшись на территории школы, полковник Токарев сразу же ощутил огромную разницу. В отличие от всех воинских частей, где царил разброд и смур, а полуголодные солдаты так и норовили сбежать в «самоволку», чтобы разжиться куском хлеба и бутылкой водки, здесь прочно обосновались покой и дисциплина. Две несовместимые между собой вещи, однако так было на самом деле. Глядя на веселых, подтянутых курсантов, полковник здорово удивился. Казалось, каждый из этих парней наконец-то нашел свое призвание. Впрочем, в специальные агенты всегда выбирали самых лучших – самых сильных, выносливых, умных и способных. Правда, даже если боец по какой-либо причине (тяжелое ранение, родственники за границей и т. п.) отходил от дел, его не бросали на произвол судьбы. Всем известное ведомство «опекало» бывшего агента до конца его жизни, ни на минуту не давая забыть, что когда-то он проходил подготовку за этими железными воротами.

Полковник Токарев попросил своего шофера остановиться у одноэтажного, кирпичного здания, где обитал Иван Кричевский. За этими толстыми стенами курсанты постигали азы подрывного дела и проводили эксперименты.

Токарев вышел из машины, немного потоптался на месте, чтоб размять затекшие от долгого сидения ноги и решительно двинулся к двери, на которой красовался кодовый замок.

«К чему все эти предосторожности? – недовольно подумал он, нажимая на кнопку вызова. – Вроде бы на своей территории, а все запираются, замуровываются по самые уши... Все боятся провокаций, разведчики хреновы».

– Вы к кому? – раздался громкий, искаженный динамиками голос.

Токарев посмотрел вверх и увидел прямо над собой мини-камеру. Казалось, этот громкий голос исходит прямо оттуда – из черной, миниатюрной дырочки. Полковник вытащил из кармана удостоверение и сунул документы прямо в круглый стеклянный объектив.

«На, подавись», – так и хотелось ответить невидимому собеседнику, но вместо этого Андрей Всеволодович вежливо представился:

– Полковник Токарев, ФСБ, отдел по борьбе с терроризмом. Мне хотелось бы поговорить с майором Кричевским.

Это подействовало, словно Токарев произнес пароль – двери поползли в разные стороны, и полковник шагнул в темную пасть проема.

– Прямо, первый кабинет направо, – полковнику показалось, что в голосе дежурного появились нотки любезности и подобострастия.

Он не успел порадоваться этому, так как в этот момент нужная ему дверь распахнулась, и он нос к носу столкнулся со своим старым другом. На лице Ивана засияла приветливая улыбка, а в глазах загорелись лукавые огоньки.

– Между прочим, я тебя давно жду, – тихо сообщил он и взял полковника за локоть. Крепко сжал пальцы и выразительно посмотрел вверх.

Этот красноречивый жест Токарев разгадал сразу: осторожно, за нами наблюдают, никаких лишних высказываний. Они молча прошли в кабинет Кричевского, и только там Иван смог по-настоящему расслабиться.

– Ну, приехал посмотреть на моих ребят? – с улыбкой спросил он, опускаясь на деревянный стул.

– Да, – сдержанно ответил Токарев.

– Что ж, парни подобрались, что надо, – без лишней скромности заявил Иван. – Спелые, спитые, профессионально подготовленные.

– Говоришь так, будто ты здесь совершенно не при чем, – рассмеялся полковник. – Кстати, а почему бы тебе не предложить мне присесть?

– Присаживайся.

Токарев внимательно огляделся и, увидев в дальнем углу небольшой диванчик, решительно направился к нему. Похлопал ладонью по гобеленовой обивке и с кривой усмешкой уточнил:

– Фейерверка не будет, если я примошусь на краешке?

– Обижаешь!

– От вас, подрывников, всего можно ожидать, – пробурчал Токарев, осторожно опускаясь на край дивана. Несколько секунд помолчал, а затем продолжил: – С завтрашнего дня вам придется вплотную заняться подготовкой к операции. Я привез вам паспорта, деньги и прочие необходимые документы. С вашим начальством все согласовано, так что можешь смело сказать своим курсантам: «Гуд бай», забирать наших парней и отправляться в Москву.

Кричевский криво улыбнулся.

– Хотел бы и я так решать все свои проблемы – быстро и без лишней волокиты, – признался он. – А за ребят не беспокойся. Они уже давно предупреждены. Ждут не дождутся, когда свалят отсюда... Кстати, а где мы будем жить?

– Квартира принадлежит нашему управлению. Находится в микрорайоне Химки. Это как раз по пути в аэропорт.

– Все в одной квартире? – в голосе Кричевского послышалось недоумение. – Интересно, как ты себе это представляешь?

– Там четыре комнаты, так что сможете запросто разместиться. Об этой операции знают считанные люди, поэтому необходимо соблюдать все меры предосторожности.

– К чему такая секретность? – искренне удивился Иван.

На мгновение Токарев задумался. Он и сам не знал, зачем воздвиг вокруг «Омеги» стену таинственности. Интуиция? Холодный расчет? Или, работая в управлении, он привык не доверять даже самому себе?

– Все дело в том, – медленно начал он, – что я не хочу поднимать лишней суеты. Чем меньше людей будет знать об этом отряде, тем больше гарантий, что операция пройдет успешно. Я суверен.

Такой ответ вполне удовлетворил Кричевского. Во всяком случае, он больше не задавал вопросов на эту тему.

Глава 4

Через несколько дней, хорошенько поразмыслив и все тщательно взвесив, Мономах решил, что поручить охрану Юлии Свиридовой он может только одному человеку – Лехе Дардыкину.

Леха был старый друг и однополчанин Толоконникова. Они вместе воевали в Чечне, вместе прошли через все круги ада, и их связывали не только воспоминания о прошлых победах. Ведь именно Лехе Мономах был обязан жизнью. Это Дардыкин тащил своего раненого командира десятки километров, когда вокруг гремели взрывы, а каждый выстрел чеченского снайпера мог оказаться роковым. Это Леха отыскал в горах военный аэродром, а потом, потрясая пистолетом, заставил пилота взять на борт умирающего командира. Он вместе с Мономахом полетел в Москву, и в клинике на коленях умолял докторов спасти Толоконникова.

Естественно, когда Мономаху пришла идея создания своего охранного бизнеса, первым об этом узнал Леха. Он с энтузиазмом откликнулся на предложение стать полноправным компаньоном Толоконникова, и с головой окунулся в новое для себя дело. Брызжащая через край энергия, стопроцентная уверенность в успехе, желание взвалить на себя кучу обязанностей – вот, что принес Леха в их нелегкий охранный бизнес. Он не отличался остротой ума, но в этом простом парне было столько душевной теплоты и доброты, что это с лихвой окупало недостаток образования.

Вскоре их агентство начало обрастать клиентами, появились лишние деньги, и охранники, которые вначале работали за гроши, стали получать приличные гонорары. С того времени, когда они зарегистрировали свое предприятие, прошло больше девяти месяцев. Но за это время Леха совсем не изменился. По крайней мере, внешне. Почти президентская зарплата никак не отразилась на его гардеробе. Он по-прежнему предпочитал носить джинсовые костюмы, а стригся у тети Клавы в парикмахерской за углом. Пил «Русскую», а закусывал хлебом и солеными огурцами. Несмотря на то, что был женат, не пропускал ни одной хорошенькой девушки, но это никак не сказывалось на его профессиональной деятельности.

Все свободное время Леха проводил в спортзале, совершенствуя свое мастерство. По мнению Дардыкина Бог наградил его только одним талантом – умением здорово драться. Черный пояс и титул мастера спорта по самбо были неоспоримыми доказательствами этого.

В повседневной жизни Леха казался неповоротливым медведем, таким добродушным увальнем. Но этот, на первый взгляд, безобидный парень мгновенно преображался в экстремальных ситуациях. Однажды, в темном дворе на него напало сразу пять бритоголовых молодцов. Парни совершили только одну-единственную ошибку – они были слишком уверены в своей победе. Леха, четко уловив их настроение, применил пару фирменных приемчиков на пару с методом «психологического устрашения». Когда хулиганы загнали его в угол, Дардыкин с жуткими криками бросился на противников и разбросал их во все стороны.

В охранным агентстве «Олимп» Леха отвечал за боевую и физическую подготовку кадров, то есть набирал охранников, тренировал их в спортзале, а иногда и сам, решив потряхнуть стариной, ввязывался в какое-нибудь интересное дело.

Именно поэтому Толоконников сразу решил поручить охрану Юлии Свиридовой своему другу. Дардыкин считался профессионалом высшего класса, да и к тому же прекрасно ориентировался в криминальных кругах столицы. Когда-то давно, по молодости, он даже состоял в одной из бандитских группировок. С тех пор прошло много времени, но старые связи сохранились. Бандиты уважали Леху за смелость и за то, что он не чурался их компании. Мог посидеть в ресторане вместе с ними, поболтать «за жизнь». Сергей подозревал, что иногда Дардыкин оказывал своим старым друзьям кое-какие услуги, да и те платили той же монетой. Но не пойман, не вор, как гласит старая русская пословица. Дардыкин ни разу не попался на

подобных, противозаконных штучках. Да и разве это серьезное правонарушение: купить по дешевке у зека классный полуавтоматический пистолет «Беретта» девяносто второй модели?

Короче, Леха был парень не промах.

Он ввалился в кабинет Мономаха сразу же по-еле тренировки. Высокий, раскрасневшийся, в джинсовой робе на голое тело. Помещение мгновенно наполнилось терпким запахом пота, вперемешку с дорогим дезодорантом. Толоконников демонстративно поморщился и не преминул спросить:

– Ты хоть душ принимал, герой?

Леха со всего размаху плюхнулся в кресло, забросил ногу за ногу и принялся обмахиваться первым попавшимся под руку журналом. Так сказать, гонял ветер.

– Душ? – с широкой улыбкой переспросил он и тут же ответил: – Не-а, не успел. Ты же приказал мне мотать сюда. Я ноги в руки, и вперед... Что, классное дельце вытанцовывается?

Иногда Дардыкин позволял себе изъясняться на сленге братвы, хотя прекрасно знал, что Мономах этого терпеть не может.

– Ну, душ принять можно и за пять минут, – поморщился Сергей. – А то от тебя воняет, как от душного козла.

– Но не переться же мне назад?

– Конечно, нет, – Толоконников вытащил из сейфа, вмонтированного в стол, папку и протянул ее Лехе. – Вот, возьми, ознакомься с делом. Возможно, тебе придется охранять эту клиентку не один месяц, так что ты должен знать о ней все.

Дардыкин встал и, прихватив стул, переместился поближе к столу. Открыл папку и присвистнул от удивления.

– Ого, какая красotka! – восторженно воскликнул он. – Это кто такая? Нет, постой, не говори. Я попробую сам угадать. Наверное, валютная проститутка. Слишком уж хороша! Нет?... Тогда законная жена какого-нибудь «нового русского»? Бывшая мисс Москвы. Впрочем, жена нувориша и путана – это одно и то же: и та, и другая трахается за деньги.

– Нет, – сухо отрезал Толоконников. – Это не путана и не жена нувориша.

Ему вдруг стало неприятно, что Дардыкин так бурно прореагировал, увидев фотографию Юлии. Где-то в подсознании зашевелилось глухое раздражение, словно оскорбили его жену или сестру.

– Так кто она, шеф? – Леха вальяжно развалился на стуле и, не дожидаясь ответа, принялся мечтать: – Вот завалить бы ее на мягкую перинку, да и оттрахать во все дырки...

– Хватит! – Мономах хлопнул кулаком по столу и, яростно сверкая глазами, пояснил: – Это Юлия Свиридова, генеральный директор мебельного салона «Шарм». Неделю назад я подписал с ней договор о сотрудничестве, а с завтрашнего дня ты полностью переходишь в ее распоряжение. То есть приступаешь к обязанностям личного телохранителя Свиридовой.

– Ну, Мономах, ну удружил, – Леха мотнул головой и широко улыбнулся. – Всю жизнь только и мечтал, чтобы охранять такую красотку... Говоришь, она бизнесмен? Или бизнесменша? Как правильно?... Ну, скажи, ты же у нас ученый.

– Хватит дурака валять, – разозлился Толоконников. – Лучше внимательно прочти ее биографию. Да заодно посмотри на фотографии этой зеленой «Вольво». Тебе знакома эта машина?

– Я не инспектор ГАИ, – огрызнулся Дардыкин, но тем не менее, перестал улыбаться, а принялся перебирать содержимое папки.

Добравшись до фото, на котором был снят автомобиль, Леха присвистнул от удивления.

– Похоже на тачку Тараса, – не слишком уверенно пробормотал он. – Цвет в масть, да и номер, вроде, тот же...

– Кто такой Тарас?

– А, жил в Москве один гопник... Много трепался, поэтому уже давно на том свете, – отмахнулся Леха и переключил свое внимание на фотографию Свиридовой, где женщина была снята в полный рост. Облизнулся, словно кот и уточнил: – Говоришь, магазинчик у нее имеется?..

– Ты мне зубы не заговаривай, – разозлился Толоконников. – Вот уже две недели эта зеленая тачка следует за нашей клиенткой по пятам. Ребятам удалось сделать несколько фотографий водителя, когда он выбегал за сигаретами. Снимки не очень хорошего качества, да и водитель постарался до неузнаваемости изменить свою внешность: темные очки, кепка, воротник куртки поднят... Посмотри, эти фотографии в самом низу.

Несколько минут Дардыкин добросовестно рассматривал фото шофера «Вольво», даже подрисовал фломастером бороду и усы. Наконец откинулся на спинку стула и отрицательно покачал головой.

– Абсолютно незнакомая рожа!

– Уверен?

– Да на все сто!.. У меня классная память на лица. Если увидел кого один раз, то всегда узнаю.

– А как же тачка?.. Если раньше она принадлежала Тарасу, а теперь он мертв, то кому она могла перейти по наследству?

– Спроси что-нибудь полегче, – Дарджин заметно занервничал. – Может, это вообще не его авто. Я помню, что у него номер был с двумя шестерками. Я еще как-то пошутил: «Тарас, ходить тебе в шестерках всю жизнь», поэтому и запомнил. Тут тоже вроде, две шестерки...

– Ладно, выяснить, на кого зарегистрирована эта машина – пара пустяков, – успокоил Толоконников. – Меня гораздо сильнее волнует то, что в офисе Свиридовой наши ребята обнаружили подслушиваемые устройства. Так называемые «жучки». Пока ничего не трогали, но клиентку предупредили, чтобы важные переговоры вела с сотового.

Слушая Мономаха, Леха наморщил лоб, надул губы и сразу стал похож на обиженного ребенка.

– Так что, этой красотке угрожают?

– В том-то и дело, что нет. Пока всего лишь давят на психику. Слежка, подозрительные типы в подъезде, поздние звонки... Это началось сразу после смерти ее жениха.

Леха заинтересованно вскинул брови.

– Какого жениха?.. У нее был жених?

– Да, был. Его недавно убили. Цаплин Тимофей Сергеевич, президент коммерческого банка «Юнона». Слышал о таком?

– Слышал, – неуверенно кивнул Дардыкин.

Толоконников понял, что ни о каком Цаплине Леха не слышал, так как особо не интересовался прессой. Все свободные минутки Дарджин посвящал усовершенствованию своего тела, а на мозги у него просто не хватало времени.

– Короче, Цаплина нашли на Новодевичьем кладбище. Когда приехала следственная бригада, и кто-то из оперативников попытался перевернуть труп, произошел взрыв.

– Человек-бомба?

– Что-то вроде этого... Журналисты пытаются связать смерть банкира с делом Станкевича. Как оказалось, они старые друзья, знакомы с детства. Не исключено, что Цаплин убит не потому, что замешан в каких-то махинациях. Его убрали, как нежелательного свидетеля...

По лицу Дардыкина Мономах понял, что тот не знает, кто такой Станкевич. Поразмыслив, решил, что рассказывать всю эту грязную историю ареста бывшего депутата Госдумы не имеет смысла. Ограничился лишь своими соображениями на этот счет.

– Мне кажется, вся эта шумиха вокруг убийства Цаплина дурно пахнет. Я имею ввиду, что тут замешаны многие уважаемые люди. Не исключено, что за Свиридовой следят парни из ФСБ... Ты меня понимаешь?

Дардыкин пожал плечами.

– А хрен их всех разберет, этих депутатов, политиков, банкиров. Сволочи они все, вот что я думаю!

Такое категоричное заключение вызвало на лице Мономаха улыбку.

– Короче, от тебя требуется одно: хорошо выполнять свою работу, – подвел итог он. – Как следует охранять Юлию Свиридову и все. Клиентка на взводе, не может думать ни о чем другом, кроме своей безопасности. А наша задача обеспечить ей эту самую безопасность.

– Клиент всегда прав, – неодобрительно пробормотал Дардыкин и принялся перебирать фотографии так, словно тасовал колоду карт. – Знаешь, Мономах, не нравится мне этот заказ. Ой, как не нравится... А если у нее на хвосте сидят парни из ФСБ, то нам точно крышка.

– На что ты намекаешь? – в голосе Мономаха послышался вызов.

– А на то, что если фээсбэшники задумали убрать эту девку, то тут сам черт не поможет. Охраняй, не охраняй – против профи не попрешь. Ясно?

– Я не думаю, что Юлию хотят убрать, – задумчиво проговорил Толоконников. – За ней могут следить и по другой причине...

– Ладно, мне-то какая разница? – пробормотал Леха и тяжело поднялся. – Если требуется, я буду охранять эту бизнесменшу днем и ночью. Шкура не облезет. – Он сунул фотографии в папку и протянул ее Мономаху. – На, забирай свое досье. Оно мне на хрен не надо...

Дардыкин с хрустом потянулся, поправил пистолет, торчащий из-за пояса джинсов и, поймав взгляд Толоконникова, улыбнулся. Что-то беспокоило его, какая-то шальная мысль не давала покоя, мешала расслабиться. Или после усиленных тренировок Леха просто-напросто здорово устал?

– Где она живет, эта краля? – спросил он.

– Сейчас Свиридова в своем офисе. Он расположен на проспекте Мира, недалеко от станции метро. На первом этаже мебельный салон, а кабинет Свиридовой на втором.

– Кто из наших ее охраняет?

– Игорь Селиханов.

Леха демонстративно поморщился. Казалось, он вот-вот грязно выругается или выразит свое пренебрежительное отношение к охраннику каким-либо неэстетичным поступком. Сплюнет на пол, что ли? Однако он ограничился коротким замечанием, типа «дерьмо собачье», и повернувшись на девяносто градусов, направился к выходу.

– Все, шеф, я поехал, – бросил через плечо он. – С этой минуты я приступаю к своим обязанностям охранника этой телки.

– Ни пуха!

Когда за Дардыкиным закрылась дверь, Мономах устало откинулся на спинку своего инвалидного кресла и задумался.

Глава 5

В Химки команда Кричевского отправилась поздно вечером, когда добропорядочные горожане уже спали. Подкатив к дому на двух «Жигулях», парни сноровисто выскочили из машин и, стараясь не создавать лишнего шума, двумя группами двинулись к подъезду.

Право первым переступить порог закреплённой за ФСБ квартиры оставил за собой командир. Бегло осмотрев комнаты и оставшись довольным ненавязчивым интерьером, Кричевский молча направился к выходу. Поймав на себе недоумевающие взгляды парней, не останавливаясь, бросил:

– Вам нужно притереться друг к другу. Отдыхайте, обживайтесь...

– И все? – не удержался борец Заводчиков.

– Пока, да.

Ребята, явно ожидавшие более содержательных инструкций, разочарованно переглянулись. Однако Кричевский, так ничего больше и не сказав, вышел за дверь.

«Притираться», а точнее, валять дурака, пришлось трое суток. И как это не парадоксально, но семьдесят с лишним часов бездействия стали для каждого из членов команды куда большим испытанием, чем какая-либо из ранее проведенных боевых операций.

Быстрее всех в ситуации сориентировались борцы. Они застолбили за собой комнату с балконом. Самую большую и удобную. А чтобы никто не мог претендовать на их «собственность», крепыши, не теряя даром времени, распаковали спортивные сумки и принялись разбрасывать по углам свои вещи. Еще через пару-тройку минут на стенах комнаты появились плакаты с фотографиями полуобнаженных мускулистых красавиц. И если вначале кое-кто из ребят намеревался оспорить решение борцов, то появление на стенах культуристок отбило у них всякую охоту не только спорить, но и заходить в обитель двух Андреев. Зато те чувствовали себя свободно в любой из комнат. Но сколько веревочке не виться...

Первый отпор не в меру нахальные борцы получили спустя двое суток, когда снайпер Приказчиков, зайдя в ванну и сделав парочку глубоких вдохов, вдруг почувствовал запах немытых носков. После идентификации личности их хозяев, минут десять в квартире звучал отборный мат. Тем не менее это происшествие ничуть не смутило Андреев. Перспектива легкой потасовки их не пугала. В ближнем бою им не было равных. И они, с утра до вечера доставая всех своими туповатыми шуточками, нагло пользовались этим преимуществом.

И хотя попытку навести в «общежитии» порядок негласно одобрили все, инициативу Приказчикова никто не поддержал. Ведь обычно молчаливый и недовольный всем снайпер тоже был не подарок.

Его угрюмый вид и неуживчивый характер могли достать кого угодно. И поэтому никто не удивился, когда вначале поселившийся в одной комнате с Приказчиковым миролюбивый и жизнерадостный Попов через сутки перебрался к компьютерщику. Что же касается последнего, то он, казалось, вообще ничего не замечал, кроме своего ноутбука. Впрочем, назвать его безобидным созданием никто бы не отважился. Хотя бы потому, что Скурехин самым что ни на есть наглым образом экспроприировал телефонную линию и тем самым лишил всех связи с внешним миром.

– Еще парочка серверов, банков, секретных служб и все... – таким был его обычный ответ на замечания, а потом и угрозы ребят.

В конце концов, после нескольких склок все махнули на него рукой и, если кому-то нужно было позвонить, он отправлялся к расположенному неподалеку от дома таксофону.

И хотя внешне все выглядело более-менее благополучно, в душе каждый лелеял тайную мысль убить своего соседа. Испытание «бытовухой» оказалось не по зубам профессионалам Кричевского.

Как и следовало ожидать, третий день «притирания» стал критическим, а спонтанно развивающиеся события едва не вылились в грандиозный скандал и не закончились настоящей потасовкой.

Началось все с невинной шутки взрывника Виктора Попова. Еще с детства Попов был страстным любителем томатного сока. А потом, когда он начал самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, два запасных пакета в холодильнике стали неременным залогом его отличного настроения. Но вот уже вторые сутки подряд сок каким-то таинственным образом исчезал из холодильника. Попытка выяснить, кому понадобилась лишая Попова самого большого в жизни удовольствия, ни к чему не привела. Никто не сознался в краже. Когда и на третий день история с томатным соком повторилась, Попов решил «жестоко» отомстить воришке. В один из двух пакетов он заложил свою фирменную «игрушку» и с чувством исполненного долга отправился смотреть телевизор.

Между тем в гостиной, как это обычно и бывало в послеобеденное время, собралась вся команда. У компьютерщика что-то не ладилось с подключением к сети. Маленький Андрей листал журнал, криво усмехаясь и одним глазом наблюдая за возней Скурехина. А стрелок Приказчиков в который уже раз разбирал и чистил свой «Браунинг бак мак плюс». Время от времени, как бы проверяя дееспособность своего единственного и верного друга, он направлял дуло пистолета на развалившегося в кресле громадного Заводчикова и говорил: «Пах!»

Однако Андрея Большого это ничуть не смущало. Он спал.

«Уложив» ненавистного борца, Приказчиков с сожалением вздыхал, разбирал пистолет и с прежним угрюмым видом продолжал чистку. Короче, каждый сучал, как умел.

Внезапная активность Скурехина заставила всех переключить свое внимание на него. Но, похоже, самого компьютерщика мало волновало, что в этот момент думают о нем другие. Опустившись на четвереньки и ощупывая пальцами телефонный провод, он начал медленно передвигаться к выходу.

– Ну, наконец-то! – мрачно пробормотал Приказчиков. – В нашем лагере появился первый клиент с явными признаками шизофрении. А я все думал, когда это произойдет...

Однако Скурехин не обиделся. Он лишь небрежно махнул рукой и переместился за дверь. Вскочив со своих мест, заинтригованные Попов, Андрей Маленький и Приказчиков бросились вслед за компьютерным гением. Выбежав в прихожую, они застали Скурехина у двери, ведущей в комнату борцов. Ничего не говоря, он толкнул дверь и, встав с четверенек, зашел в комнату. Попов и Приказчиков недоуменно переглянулись, а Андрей Маленький потупил взгляд. Однако через пару секунд все получили исчерпывающее объяснение столь странного поведения компьютерщика. Он вышел из комнаты борцов, держа в руке телефон.

– Какого хрена было обрезать провод?! – только и смог выдавить из себя Скурехин, при этом бросив на Маленького Андрея испепеляющий взгляд.

– Шутка, – усмехнулся тот.

– Да знаешь, чего я лишился из-за тебя?!

– Ты что по сети в казино играешь? – снисходительно бросил Маленький Андрей.

В ответ Скурехин размахнулся и что было сил громыхнул телефонным аппаратом о стену. Когда на пол посыпались осколки, Андрей Маленький побагровел и, тяжело задышав, двинулся на компьютерщика.

– Между прочим, я этот аппарат за свои кровные купил! – угрожающе проскрипел он зубами и сделал замах правой.

– Остынь! – преградил ему путь стрелок.

Не остался в стороне и Попов.

– Успокойтесь, ребята, – мягко проговорил он. – Нам еще вместе работать...

Перевес был явно не на стороне борца, и он уступил. Зло сверкнул глазами, повернулся ко всем спиной и молча направился в гостиную.

Казалось, на этом конфликт был исчерпан, но вдруг на кухне раздался громкий хлопок, а еще через мгновение послышался отборный мат в исполнении Заводчикова, Андрея Большого.

– Это уже интересно... – злорадно протянул стрелок Приказчиков. – Он же еще минуту назад дрых в гостиной...

На этот раз покраснел Попов, но никто не обратил внимания на его сконфуженную физиономию.

– Там что-то произошло... – Андрей Маленький застыл на пороге гостиной и настороженно прислушался.

Через пару секунд ситуация прояснилась. Дверь распахнулась и из кухни вышел Заводчиков. Его злобно нахмуренные брови были слегка обожжены, а по щекам на подбородок сползали струйки красной, густой жидкости. Рубашка борца имела такой же кроваво-красный цвет.

– Ты ранен? – растерянно пробормотал друг-борец.

Вместо ответа Андрей Большой, упершись взглядом в Попова, презрительно сплюнул на пол.

Первым о том, что случилось, догадался стрелок. Его громкий злорадный смех заставил всех вздрогнуть. Только Андрею Большому было не до смеха. Не обращая ни на кого внимания, он двинулся прямо на взрывника.

– Совсем забыл тебя предупредить... – пробормотал Попов, но вдруг осознав, что борец не в состоянии оценить его шутку, шмыгнул в свою комнату и тут же захлопнул дверь.

Андрей Большой, не останавливаясь, пнул дверь ногой. С потолка на пол посыпалась штукатурка.

– Осторожнее, – с издевкой проговорил Приказчиков. – За дверью может быть минное поле.

– Заткнись, – грубо оборвал его борец. – А этому козлу я точно сегодня шею сверну.

Его оскорбительный тон явно пришелся стрелку не по вкусу и тот не сдержался.

– Поосторожнее на поворотах, – сквозь зубы процедил Приказчиков.

– Я сказал: заткнись, – небрежно бросил Андрей Большой и со злостью пнул закрытую дверь.

Та слегка накренилась вправо и теперь достаточно было лишь одного удара, чтобы сбить ее с петель.

Но довершить начатое борец не смог. Униженный и оскорбленный стрелок выхватил из-за спины пистолет, щелкнул предохранителем и предупредил:

– Не забывай, против любой силы всегда найдется что-нибудь покруче.

В первое мгновение Андрей Большой не понял, почему все вдруг притихли, но увидев в руке у стрелка пистолет, резко развернулся и с вызовом бросил:

– Может быть, один раз ты и успеешь нажать на курок, но прежде, чем сделаешь это во второй раз, я скручу тебе шею.

Давая понять, что готов немедленно осуществить свою угрозу, он сделал шаг в направлении стрелка.

– Да вы что, с ума сошли?! – не выдержал Скурехин. – Вы хоть соображаете, что делаете?!

Воспользовавшись моментом, Попов осторожно переместился назад в прихожую. Но его появления никто не заметил. Теперь в центре внимания были стрелок и Андрей Большой.

Отлично зная характер своего друга, Андрей Маленький вдруг ясно понял, что если не вмешаться в стремительно набирающий обороты конфликт и не остановить Заводчикова, разборки, и скорее всего кровавой, не миновать. Сделав решительный шаг, он встал стеной между Андреем Большим и Приказчиковым.

– Послушай, Андрюха, – обратился он к своему другу. – Не надо делать глупостей.

– Не мешай, – Заводчиков попытался оттолкнуть напарника, но тот не сдвинулся с места.

– Я тебя прошу...

– Отвали!

Неожиданно для всех Андрей Маленький принял боевую стойку и, глядя другу прямо в глаза, решительно проговорил:

– Все, хватит!

– Действительно, хватит, – поддержал Маленького Скурехин. – Поберегите лучше свои таланты для дела. Там и соперники будут покруче...

Поймав на себе недружелюбный взгляд снайпера, Скурехин поправился:

– Я имею ввиду весовую категорию...

Слова компьютерщика слегка охладили Андрея Большого. Окинув всех снисходительным взглядом, он резко повернулся и направился к своей комнате. Переступив порог, с грохотом закрыл дверь. Маленький, мгновение поколебавшись, поспешил за ним. Видимо, он надеялся как-то успокоить товарища и объяснить, почему на этот раз не поддержал его.

Какое-то время Приказчиков, Скурехин и Попов стояли молча. Первым нарушил молчание взрывник.

– Я прекрасно понимаю, что в произошедшем есть и моя вина... – негромко обратился он к снайперу. – Но с пушкой, по-моему, ты переборщил.

– Я что, должен был подставить ему свой правый глаз? – с ехидцей огрызнулся тот.

– Если хочешь знать мое мнение, – пояснил Попов, – то мне это не нравится, и я не на твоей стороне.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и пошел в гостиную.

– Твое мнение меня интересует меньше всего, – бросил ему вслед стрелок. – Мне с тобой детей не крестить...

– А я полностью на твоей стороне, – поддержал его Скурехин. – Не люблю хамов. А эти борцы развели тут такой колхоз...

– А ты вообще заткнись! – грубо оборвал компьютерщика Приказчиков и решительно шагнул в сторону своей комнаты.

Скурехин явно не ожидал, что гнев стрелка падет и на него, и поэтому в ответ лишь обескураженно охнул.

Оставшись один, он простоял в пустом коридоре еще с минуту. Затем сокрушенно покачал головой и, как бы подводя итог происшедшему, негромко, но так, чтобы его слышали все, воскликнул:

– Команда подобралась, что надо!.. И что самое ужасное – с этими идиотами мне предстоит проработать еще не один день!..

Появление Кричевского все члены команды восприняли, как манну небесную.

Он появился около восьми вечера. Открыл дверь своим ключом. Переступил порог и застыл в недоумении – никто из парней не только не вышел его встречать, но даже не проявил элементарного интереса к внезапному шуму. В квартире царила тишина. Только из гостиной доносился едва различимый глуховатый голос ведущего телепрограмм.

– Вы что здесь все повымирили?! – громко спросил Кричевский и, не дождавшись ответа, направился в гостиную.

Первым на появление командира среагировал сидевший в кресле перед телевизором Скурехин.

– О-о-о, шеф... – только и смог выдавить из себя он.

– Привет, – Кричевский пожал руку компьютерщику и поинтересовался: – Где остальные?

– Отдыхают... – неуверенно пробормотал Скурехин.

– Отдыхают?

– Да.

– Неужели не отдохнули за это время? – Криневский удивленно покачал головой и, опустившись в соседнее кресло, перевел разговор на другое: – Когда мне рассказывали про тебя, говорили, что ты человек, который ни на секунду не отрывается от компьютера...

Скурехин небрежно махнул рукой.

– Надоело.

Кричевский по-хозяйски обвел взглядом комнату и вдруг спросил:

– Кстати, почему у вас молчит телефон?

– Да потому что... – компьютерщик хотел было вспомнить «добрым» словом Андрея Маленького, но увидев появившихся в дверном проеме борцов, осекся.

– Сломался телефон, а починить всем лень, – поторопился с ответом Андрей Большой и, переваливаясь с ноги на ногу, направился к дивану. – Надо бы в команду и телефониста...

– Я подумаю над этим, – полушутя ответил Кричевский.

– Вы появились вовремя, – Андрей Маленький, пожав руку командиру, уселся на диван рядом со своим другом.

Вслед за ними в гостиной появился Попов. Он обошелся без слов – молча подошел к Кричевскому, так же молча обменялся с ним рукопожатием и, оглядевшись, отошел к стене.

И хотя рядом с борцами было свободное место, взрывник предпочел постоять. Это не ускользнуло от внимательного взгляда Кричевского.

– А что у вас такие мрачные физиономии? – с усмешкой спросил он и пробежался взглядом по хмурым лицам парней.

– Да задолбало торчать тут, – искренне признался Андрей Маленький.

– Без дела, – уточнил Большой. – Если уж отдыхать, то на курорте и... я предпочел бы другую компанию.

– Женскую, например... – поддел Кричевский.

– А почему бы и нет? – вполне серьезно ответил Андрей Большой.

– Понятно, – протянул майор и хитро прищурил глаза. – А я то уже грешным делом подумал, что вы чего-то не поделили... Кстати, где Приказчиков?

– Да куда я денусь, – послышался голос снайпера, а через пару секунд в дверном проеме показался и он сам. – Вздремнул слегка...

Поздоровавшись с Кричевским, отошел к плотно завешенному окну и, прислонившись к стене, с надеждой спросил:

– Что-то случилось?

– Пока, слава Богу, нет, – успокоил командир. – Но могу вас обрадовать – карантин закончился, завтра приступаем к делу.

Хмурые маски моментально слетели с лиц бойцов.

– А теперь, по существу, – Кричевский рывком забросил себе на колени дипломат и, не мешкая, открыл его. – Завтра утром вы все, кроме Скурехина, переберетесь в гостиницу, расположенную на территории аэропорта.

– Номер тоже будет четырехместным? – вполне серьезно спросил Андрей Большой.

– Нет, – отрицательно покачал головой Кричевский. – Для вас забронировано три номера: два одноместных и один двухместный.

– То есть двухместный для нас с Андрюхой? – уточнил Большой.

– Да, – Кричевский достал из дипломата ключ с гостиничным брелоком и бросил его борцу. – Номер двести семнадцать.

Затем он достал еще два ключа и положил их на журнальный столик, пояснив:

– Сорок седьмой – Приказчикова, сто четырнадцатый – Попова.

– Значит, мы все на разных этажах... – не без удовольствия констатировал взрывник.

– Да.

– А я? – не выдержал Скурехин.

– О тебе мы поговорим в последнюю очередь, – остановил его Кричевский и продолжил: – Отныне вместе вас никто не должен видеть. Разве что Андреев, Большого и Маленького, которым завтра предстоит слегка переквалифицироваться. А точнее – освоить новую профессию.

– То есть? – не сдержался Большой.

– Завтра у вас первый трудовой день, – пояснил командир и уточнил: – Вы зачислены в штат обслуживающего персонала аэропорта.

– Кем?

– Носильщиками.

На лицах всех присутствующих, кроме Кричевского и борцов, появились злорадные усмешки.

– А может, там есть другие вакансии? – умоляюще спросил Андрей Маленький.

– Идем дальше, – сухо проговорил Кричевский, показывая тем самым, что не настроен на лирические отступления. – Приказчиков займет место в газетном киоске, а Попову... Извини друг, но придется тебе взять в руки веник и совок.

– И ради этого стоило пять лет изучать радиоуправляемые бомбы... – буркнул себе под нос взрывник.

Однако Кричевский проигнорировал и эту реплику.

– Работаем двумя бригадами посменно, – продолжил он. – В одной я и борцы, вторая – Приказчиков, Попов и Скурехин. Одна дежурит, другая – спит. Но в случае тревоги в течении пяти минут все должны быть в аэропорту. Начиная с двадцать четвертого, переходим на более жесткий график. На сон – три – четыре часа. Двадцать шестого дежури́м в полном составе круглые сутки. Все ясно?

– Да, – за всех ответил Полозков.

– Ну, что ж, тогда все о'кей, – удовлетворенно кивнул Кричевский. – Более подробные инструкции, оружие и средства связи получите в гостинице. А теперь несколько слов о координационном центре. Он расположен на цокольном этаже. Там буду находиться я и Скурехин. Это небольшая комната, в которой установлена аппаратура термослежения, пульт с выводом всех телекамер и радиоперехват сотовой и коротковолновой связи – то есть переговоры милиции тоже будут находиться под нашим контролем. Если нами будет зафиксирован объект, который нуждается в проверке, занятые на дежурстве немедленно получают его координаты и соответствующие инструкции. Если объект потенциально опасен, сигнал получит вся команда. Возможно, к действиям будут привлечены и сотрудники милиции. Но если честно, я не хотел бы прибегать к услугам сотрудников охраны аэропорта. Запомните, чем меньше народу будет знать о нашем нахождении там, тем лучше.

– Оружие применять разрешено? – стрелок просто не мог не задать этот жизненно важный для него вопрос.

– Только в критической ситуации.

Такой ответ явно не удовлетворил снайпера, но он не решился высказать вслух свое мнение по этому поводу.

– Не забывайте, что это все-таки аэропорт, – проговорил Кричевский, как бы продолжая ответ на вопрос стрелка. – И еще. Независимо от времени суток там крутится масса репортеров. Я думаю, объяснять не нужно, что прицел объектива для нас куда опаснее, чем прицел пистолета.

На мгновение Кричевский задумался.

– Кажется, все, – подвел он итог. – Завтра, начиная с восьми, по одному линияете отсюда. За Скурехиным я заеду чуть позже. Все ясно?

– Да, – нестройным хором ответили парни.

– И побольше оптимизма, – усмехнулся Кричевский. – Если все пройдет на уровне, каждый из вас получит неплохой шанс продвинуться. Это я вам обещаю. Но главное, не забывайте,

что вы – команда. Промах кого-то одного может иметь неприятные последствия для всех. В том числе и для меня. Так что, надеюсь, не подведете.

Кричевский встал и, поочередно пожав руки всем членам команды, направился к входной двери. Неожиданно оглянулся и иронично-поучительным тоном проговорил:

– А за дверью советую следить. Бдительность еще никогда никому не мешала...

Оказавшись в коридоре и мгновение поразмыслив, Кричевский решил спуститься вниз по лестнице.

В целом он был удовлетворен атмосферой, царившей в команде. По крайней мере, пока все шло именно так, как он и задумал.

Майор прекрасно понимал, что на этом этапе взаимные симпатии, полное доверие и теплые дружеские отношения могут лишь расслабить парней и сделать команду недееспособной. Определенное недоверие друг к другу, вера только в себя и полный самоконтроль – вот что по мнению Кричевского должно было обеспечить успех операции. К тому же при таком положении вещей автоматически снимался вопрос о наведении порядка и соблюдении дисциплины в коллективе. Ведь теперь командир становился не только единственным связующим звеном, но и единственно возможным объектом для откровений. То есть отныне контроль над каждым членом команды становился исключительно его прерогативой.

Глава 6

С тех пор, как Леха Дардыкин приступил к своим нелегким обязанностям телохранителя, прошло ровно двадцать четыре часа. За это время, если не считать первой беседы, он перемолвился с клиенткой разве что парой ничего не значащих фраз. Юлия Свиридова оказалась сугубо деловой женщиной и, что больше всего поразило Дардыкина, абсолютно не запуганной. Леха даже немного удивился, так как по словам Мономаха Юлия должна была трястись, как осиновый лист и непрестанно поглядывать в окно – не стоит ли у ее офиса темно-зеленый «Опель». А Свиридова спокойно занималась своими делами, вела длинные переговоры по телефону, подписывала какие-то бумаги. Короче, чувствовала себя вполне комфортно, как и подобает нормальной шефине.

Когда Леха, прорвавшись сквозь оборону секретарей, ввалился в шикарный кабинет Свиридовой, она смерила парня с ног до головы оценивающим взглядом и холодно улыбнулась.

– Кто вы такой и как сюда попали? – сдержанно спросила Юлия.

– Я – ваш новый телохранитель из «Олимпа», – смутился Леха.

Ему вдруг стало стыдно за свой непрезентабельный внешний вид, за грязную робу и потертые джинсы. Он впервые за последние несколько лет подумал, что неплохо бы разжиться приличным костюмом, но тут же отложил эту идею до лучших времен.

– Но у меня уже есть телохранитель из «Олимпа», – холодно ответила Свиридова. – Или ваш босс решил удвоить охрану?

– Того парня перебрасывают на другой объект. Теперь вас буду охранять только я, – чтобы предотвратить ненужные вопросы, Дардыкин протянул Юлии удостоверение.

Та внимательно прочитала этот нехитрый документ, который по инициативе Толоконникова выдали каждому работнику фирмы, будь он охранник или бухгалтер. Нахмурила брови, сравнила фотографию Дардыкина с его лицом, потом пожала плечами и потянулась к телефонной трубке.

– Собираетесь звонить моему боссу? – насмешливо уточнил Леха. – Что ж, звоните, проверьте. Только зря потратите время.

– Это еще почему? – заинтересовалась Юлия.

Впервые в ее глазах промелькнул живой огонек любопытства, и она сразу стала похожа на обыкновенную женщину, состоящую не только из одних достоинств.

– Сами посудите – какого черта мне было припираться сюда? – принялся втолковывать Леха, совершенно позабыв о правилах хорошего тона. – Да еще брать на себя такой груз, как охрану вашего бесценного тела?..

– А вдруг вы – бандит, – с улыбкой возразила Юлия. – И хотите меня похитить?

– Не говорите ерунды, – отмахнулся Леха и, сам не зная почему, польстил Свиридовой: – Вы же умная и проницательная женщина.

– Ого, ваш лексикон пополняется на ходу, – парировала та.

– Чего не сделаешь ради такой красивой клиентки.

Леха слишком поздно сообразил, что сморозил глупость. И если минутой ранее он смел надеяться на полное взаимопонимание в их отношениях, то после своей дурацкой реплики все надежды разбились в пух и прах.

Веселые огоньки в глазах Юлии мгновенно поблекли, на лице появилась некоторая отчужденность, а голос стал сух и официален.

– Мне нет причин вам не доверять, – сурово проговорила она. – Так что можете смело приступать к своим обязанностям. Моя машина находится на стоянке. Это красный «Опель», с номерным знаком...

– Я знаю, – перебил Дардыкин. – Номер вашей машины я выучил наизусть, – и совсем уж некстати, представился: – Между прочим, меня зовут Алексей.

– Я постараюсь запомнить, – Свиридова встала, тем самым показывая, что разговор окончен. – Я заканчиваю ровно в шесть, – мельком взглянула на миниатюрные часики. – Подождите меня, пожалуйста, у машины.

– Хорошо, – пробормотал Дардыкин, пятясь к выходу.

Оказавшись в приемной, вздохнул с облегчением, словно сбросил с плеч непосильную ношу. Некстати подумалось, что эта внешне обаятельная Юлия Свиридова – настоящая хищница, милая и обаятельная хищница, и не каждый мужчина устоял бы перед ее чарами. Вот взять хотя бы его самого – стоит Свиридовой поманить острым, перламутровым ноготком, и он помчится за ней хоть на край света. Да и перепихнуться с ней пару-тройку раз в машине – почему бы и нет? Только захочет ли она этого?

«Нет, волк свинье не товарищ, – мрачно рассудил Леха. – Она, наверняка, принимает меня за идиота, этакого «Рэмбо» с куриными мозгами, который только и может, что кулачками махать, да проституток трахать. А ей подавай бизнесменов разных, да иностранцев. Певцов всяких, композиторов, художников... Да нет, художников она, наверное, и за людей не считает. Они все голозады».

С такими навязчивыми мыслями Дардыкин вышел из приемной, даже не удосужившись кивнуть на прощание секретарше. Спустился по ступенькам, толкнул тяжелую дверь подъезда и внимательно огляделся. Красная, как пожарная машина, тачка Свиридовой стояла у самого края стоянки.

«Могла бы и раскошелиться на что-нибудь более солидное», – с неприязнью подумал Леха.

В этот момент рядом с ним пробежала какая-то надушенная девица. Толкнула плечиком, стрельнула густо намазанными ресницами, дескать, что за мэн здесь ошивается? Леха проводил ее заинтересованным взглядом, причмокнул языком. Делая вид, что очарован красоткой, глазами пробежался по невысоким, декоративным кустикам – не прячется ли там какой-нибудь козел? Убедившись, что все чисто, уверенно зашагал к стоянке.

Тачка Свиридовой переливалась всеми цветами радуги, словно только что вернулась из генеральной мойки. Дардыкин догадался, что Юлия следит за своей машиной так же тщательно, как за своей внешностью, и скорее всего, бывает в автосервисе довольно часто. Да и водителя она подобрала себе под стать – в салоне «Опеля» сидел красивый, черноволосый парень лет двадцати. Лениво стряхивал пепел сигареты в приспущенное окно и смотрел прямо перед собой потухшим взглядом.

Дардыкин подошел к «Опелю» и, как бы между делом, оперся о капот. Он решил проверить на вшивость слишком уж нахального водителя, тем более, что им предстояло вместе работать не один месяц.

– Эй ты, хрен собачий! – мгновенно среагировал красавчик. – Брысь отсюда!

– Ништяк тачка, – миролюбиво пробормотал Леха, тем самым надеясь вызвать водителя на разговор. – Твоя?

– Закрой свой поганый хавальник и отвали!

«Мирный базар не получится», – решил Дардыкин и мгновенно напустил на свою физиономию зверское выражение.

– Ах ты, долбанная дешевка, – сквозь зубы процедил он и схватился за ручку дверцы. Несколько раз дернул на себя и зло добавил: – Если не откроешь, пиццак перережу.

Водитель побледнел и принялся судорожно закрывать окно. Всю его спесь и заносчивость, как рукой сняло.

– Ты че, чувак, в натуре? Взбесился, что ли? – тонким голоском залепетал он. – Я ничего, тачка-то не моя...

– Открывай, козел! – взревел Дардыкин. – А то окно вышибу!

– Не надо, парень. Давай договоримся по-хорошему...

– Что здесь происходит? – голос Юлии Свиридовой подействовал на Леху, словно ведро холодной воды.

Он резко обернулся и увидел, что Юлия стоит совсем рядом и посматривает на него с явным неодобрением. В правой руке женщина держала кожаный портфель, а в левой – телефонную трубку сотового телефона, который противно пипикал. Дардыкин покосился на сотовый и сказал первое, что пришло в голову:

– Ответьте-то на звонок...

– Я отвечу, когда вы наконец объясните мне, зачем вы пытались ворваться в мою машину?

Леха криво усмехнулся и пожал плечами.

– Хотел проверить вашего шофера... так сказать, будет он кулаками махать, если чего случится... А то знаете, всякое ведь бывает...

– Проверили?

– Проверил.

– Ну и как впечатление?

Дардыкин решил признаться честно.

– Дерьмо он, а не мужик... Баба, одним словом. Знаете ведь, что самое главное в драке? Думаете сила? Нет. Главное – психологический натиск.

Умение дать достойный отпор. Иногда достаточно нескольких крепких выражений, чтобы противник отвалил. Понял, что вы – сильнее его.

Юлия нахмурила брови и перевела взгляд на шофера, который с интересом прислушивался к разговору.

– Значит, он не сумел дать достойный отпор? – уточнила женщина.

Леха кивнул.

– Стас, ты уволен! – спокойно заявила Юлия. Затем так же спокойно нажала на кнопку связи, поднесла трубку к уху и ровным голосом ответила на звонок: – Свиридова слушает?

– Ну, зачем же так круто? – растерянно пробормотал Дардыкин. – Может, он и не такой уж дерьмовый водитель...

Пока Юлия разговаривала по телефону, водитель Стас пытался совладать с яростью. В его глазах загорелись злые огоньки, губы нервно задрожали, а руки непроизвольно сжались в кулаки. Он с ненавистью посмотрел на Свиридову, потом перевел взгляд на Дардыкина. Кажется, еще немного, и он вцепится Лехе в глотку. Если бы он так поступил, то Дардыкин ей Богу зауважал бы этого красавчика. Однако, судя по всему, Стасу были не свойственны сильные чувства. Вместо того, чтобы выпарапать глаза своему обидчику, он со вздохом выбрался из салона и, чуть помявшись, протянул Лехе ключи.

– Держи...

– Не переживай, кореш, – Дардыкин попытался сгладить ситуацию.

Все получилось совсем не так, как он задумал, но отступать было поздно: Юлия уже сидела в машине и неодобрительно поглядывала на Леху. В ее глазах читался немой вопрос: что ты медлишь?

– Прости, я и вправду не хотел, – Дардыкин дружески похлопал бедного Стаса по плечу. – Да, я совсем забыл представиться – я новый телохранитель твоей бывшей хозяйки.

Стас шатнулся в сторону, словно от удара. Покраснел, побледнел бедный, вытер выступившую на лбу испарину. Воистину, жизнь преподала ему хороший урок, и дай Бог, чтобы он не озлобился и не начал вымещать свою обиду на других...

Пока несчастный уволенный размышлял, что по чем, Леха ужом скользнул на сидение, повернул ключ зажигания и в зеркальце заднего вида посмотрел на Юлию.

– Куда ехать?

– На дачу, – отрезала Свиридова, не отрываясь от бумаг, разложенных на коленях. – Дмитровское шоссе, поселок Щапово.

– Понял, – Леха нажал на педаль газа, и машина почти бесшумно рванула с места.

Выскочила на главную дорогу, пристроилась за новеньким «мерсом», и на скорости примерно семьдесят км/ч в час покатила по ровной, без всяких ухабин дороге.

Вокруг сновали другие автомобили, в основном иномарки, но зеленой «Вольво» с двумя шестерками нигде не было видно. Никто не сидел у них на хвосте, в этом Дардыкин был уверен на все сто.

Они проскочили Ильинский поселок, Долгие пруды, свернули налево по указателю «Щапово 5 км». Дардыкин хотел было уточнить, куда ехать дальше, но вдруг увидел на отшибе огромный, двухэтажный дом с черепичной крышей, балкончиками и мансардой. Самым удивительным показалось то, что эта шикарная вилла была обнесена самым обыкновенным дощатым забором.

– Ваш дом? – спросил Леха.

– Мой, – кивнула Юлия, не отрываясь от бумаг.

Дардыкин подъехал к хлипким воротам (язык не поворачивался назвать их «воротами», скорее, широкая калитка), нажал на тормоз и, не глуша мотор, выбрался из салона. Он был уверен, что дача никем не охраняется, поэтому немного удивился, увидев на крыльце человека, молодого мужчину лет тридцати семи. Глубоко посаженные глаза, тонкие плотно сжатые губы, в каждой черточке волевого лица решимость – без сомнения, незнакомец обладал сильным характером. Это почему-то больно укололо Дардыкина, тем более, что Юлия, заметив гостя, мгновенно выскользнула из машины и помчалась ему навстречу с распростертыми объятиями.

«Кто это? – терялся в догадках Леха, искоса поглядывая на незнакомца. – Муж?.. Но у нее нет мужа... Любовник?.. Вряд ли Свиридова после смерти жениха так быстро утешилась. Кто бы то ни был этот козел, он держится, как хозяин».

Юлия и незнакомец крепко обнялись, поцеловались, и женщина радостно воскликнула:

– Вот уж не думала, Игорь, что увижу тебя здесь!

Игорь снисходительно улыбнулся и, увлекая Юлию в дом, что-то зашептал ей на ухо. Свиридова рассмеялась, кокетливо отстранилась, даже попыталась оттолкнуть гостя. На мгновение ее взгляд уперся в Дардыкина, который все еще стоял у калитки.

– Загони машину в гараж, – повелительным тоном проговорила она и вновь переключила все свое внимание на Игоря.

Они вошли в дом, захлопнули за собой дверь, оставив Дардыкина одного. Теряясь в догадках по поводу личности незнакомца, Леха забрался в «Опель», проехал на территорию виллы, обогнул здание с правой стороны и увидел огромный, бетонный гараж.

«Какого хрена она не дала мне ключи? – Дардыкин почувствовал, как в груди нарастает раздражение против Юлии. – Держит меня за мальчика на побегушках, будто я не человек, а ее сторожевая собака!»

Выбираясь из машины, он нервно хлопнул дверцей и широким шагом двинулся по направлению к дому. Толкнул дверь, она оказалась открытой, и без стука вошел в холл. Обнаружив, что в комнате никого нет, немного расслабился. Внимательно огляделся и немного зло подумал, что Юлия не из тех женщин, которые в чем-то себе отказывают. В холле было уютно и мило: обитые деревом стены, широкий кожаный диван и точно такие же кресла, в углу рояль, какая-то аляповатая картина. Дардыкин никогда не считал себя знатоком искусства, но эта мазня ему не понравилась – самая натуральная халтура, только краски перевели.

«Так бы и я смог», – он подошел к роялю и провел пальцем по полированной поверхности.

Сдерживая волнение, поймал себя на том, что под наплывом нахлынувших чувств, как бы фетишизирует неодушевленные предметы – все казалось ему наполненным волшебством, одухотворенным присутствием Юлии.

«Кретин безмозглый, – про себя выругался Дардыкин. – Стою здесь, как чурбан, млею. Совсем забыл о своих обязанностях».

Деревянная лестница, ведущая на второй этаж, чуть слышно поскрипывала под шагами Дардыкина. Стараясь ступать бесшумно, он поднялся наверх и услышал негромкие голоса – скорее всего, Юлия и ее гость не знали о присутствии третьего, так как болтали совершенно свободно. Леха затаил дыхание и прислушался. Конечно, он не имел права шпионить за своей клиенткой, однако этот слишком деловой Игорь ему не нравился.

Дардыкин осторожно переместился к самому входу и приложил ухо к двери – теперь голоса зазвучали отчетливее.

– Игорь, милый, ты хоть понимаешь, во что ты меня втягиваешь? – с волнением спрашивала Свиридова, и Леха пожалел, что в этот момент не видит ее лица.

– Юлия, ласточка моя, – гость заметно занервничал. – Ну что тебе стоит пококетничать с ним?.. Ты же женщина молодая, красивая, только идиот не клюнет на эти прекрасные глазки.

– Нет, – нерешительно возразила Свиридова. – Я чувствую, что ты втягиваешь меня в очередную авантюру. Ты хочешь меня использовать в своих интересах.

– Глупышка...

Лехе показалось, что за этим последовал звук поцелуя. Он слышал, как Юлия вздохнула и немного смущенно проговорила:

– Игорь, а если у меня ничего не получится? Если он не поведется? Мужчин такого возраста тянет на молоденьких и длинноногих.

– Получится.

– Неужели ты не мог бы нанять какую-нибудь путану? – в сердцах воскликнула Свиридова. – Заплатил бы ей боксов пятьсот, она бы сделала все, что надо. И не мучил бы меня...

– Путан у него и без нас хватает. А вот таких, как ты... – в голосе Игоря появилась нежность. – Ты же у нас красавица. Он очень осторожен и в каждой смазливой бабе видит хищницу. Думает, что они клеятся к нему из-за его положения и денег. А ты богатая, самостоятельная женщина. Крепко стоишь на ногах и не нуждаешься ни в чьей-либо помощи. Он решит, что тут пахнет истинными чувствами. Он должен поверить, должен.

– Я боюсь, – Юлия прошептала это тихо и страстно. – Боюсь, что не справлюсь...

– Справишься, – заверил Игорь. – Тебе нужно лишь обратить на него свое внимание, сделать вид, что он тебе безумно нравится. Он сам пригласит тебя на свидание, а дальше...

– А если он начнет приставать? – перебила женщина. – Начнет лапать меня своими грязными руками? Что мне делать?

– Ничего. В машине я установлю мини-камеру, которая будет снимать ваше ночное свидание. Если он тронет тебя хоть пальцем, то потом сам же поплатится за это.

– Вы будете его шантажировать?

– А почему бы и нет? – Игорь хрипло рассмеялся. – Этот негодяй считает себя неуязвимым и страшно предусмотрительным. Но он не учел только одного – он живой человек, а у каждого живого человека имеются слабости и недостатки.

– Ну и сволочь ты, Игорешка, – не зло отозвалась Юлия.

– Почему?

– Не видела тебя уже год, думала, что больше никогда уже не встретимся. Знаешь, иногда была уверена, что ты давно в земле лежишь – ведь никаких известий, никаких. Даже плакала по ночам, а тут ты неожиданно появляешься. И не потому, что соскучился...

– Я соскучился, жутко соскучился. Просто был отсюда далеко. А когда приехал и узнал, что у тебя имеется любовник, решил, что не стоит напоминать о себе. Не хотел тебя компрометировать.

– Глупый, глупый, – порывисто прошептала Свиридова. – Я ждала тебя, ждала до последней минуты... Мне так тебя не хватало... Чувствовала себя покинутой и одинокой...

– Да уж, одинокой, – передразнил Игорь. – За год, что мы не виделись, ты так круто поднялась, что я даже не ожидал. Молодец, Юлька!

– Ладно тебе, – смутилась женщина. – Ты, Блинов, не можешь жить без комплиментов. Только каждой бабе говоришь одно и то же...

– Тихо, Юлия, я ведь уже давно не Блинов, – несколько раздраженно перебил гость. – Теперь меня зовут Игорь Николаевич Стрельников.

– Стрельников так Стрельников, – покорно согласилась та. – Мне-то какая разница?.. Главное, что ты здесь, со мной. Милый...

Последнее слово Свиридова произнесла необычайно нежно и трепетно, и Дардыкин понял, что этот Игорь Блинов был единственным мужчиной, которого она любила.

– А что это за хмырь с тобой прикатил? – как бы между прочим уточнил гость.

– Это мой телохранитель, – спокойно отозвалась Свиридова.

– У тебя неприятности?

– Знаешь, после смерти Тимофея я чувствую себя как-то неуютно, – призналась женщина. – Мне кажется, что за мной следят. Вот я и решила нанять себе охранника. Так спокойнее.

– Надеюсь, мое присутствие заставит тебя отказаться от его услуг? – немного ревниво спросил Игорь. – Зачем тебе посторонний мужчина в доме, когда я рядом? Или ты сомневаешься, что я сумею защитить тебя?

Дардыкин даже подался вперед – ему стало безумно интересно, что ответит Юлия. А та, помолчав несколько секунд, тихо проговорила:

– Нет, Игорь, я не сомневаюсь, что ты способен дать отпор любому. Но от услуг охранника я отказываться не собираюсь.

– Это еще почему? – ответ женщины задел гостя за живое.

– Потому, что в один прекрасный момент ты вдруг исчезнешь, не оставив никакой записки. Твоя одежда по-прежнему будет висеть в шкафу, зубная щетка валяться в ванной, а я, как идиотка, стану тебя ждать, уверенная, что ты вот-вот вернешься.

– Да, ты права, – неожиданно легко согласился Игорь.

Дардыкин почувствовал, что пришло время напомнить о себе. Тем более, ему показалось, что и Свиридова, и ее гость вряд ли пустятся в новые откровения.

Леха осторожно спустился вниз, а потом поднялся по лестнице, старательно шаркая подошвами о ступеньки. Громко постучал в дверь и, услышав разрешение войти, переступил порог.

Юлия сидела в глубоком кресле, курила и нарочито небрежно стряхивала пепел в хрустальную пепельницу. Глядя на нее даже не верилось, что эта женщина может испытывать сильные чувства, быть страстной и нежной.

Ее гость устроился на маленькой, обитой велюром банкетке. Его лицо сохраняло выражения безразличия, хотя в глубоко посаженных глазах Дардыкин заметил огонек недоверия.

– Я не смог открыть гараж, – спокойно сообщил он, обращаясь к Свиридовой. – Дайте мне ключи, и я отгоню вашу тачку.

Юлия молча отложила сигарету на край пепельницы, потянулась за сумочкой и достала из нее связку ключей. Молча протянула их Дардыкину и вновь вернулась к прерванному занятию. Леха сунул ключи в карман и вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. Медленно

спустился в холл, ни на мгновение не переставая анализировать только что подслушанный разговор.

«Хрен их разберет, о чем они базарили... Вроде бы этот пижон уговаривал Свиридову снять какого-то жирного клиента, затащить его в тачку, напичканную видеокамерами под завязку. Наверное, они хотят поймать этого клиента на крючок, чтоб потом качать из него бабки... Это, конечно, не моего ума дела, пусть хоть на потолке трахаются, но не нравится мне этот Игорек Блинов, определенно не нравится».

С такими невеселыми мыслями Дардыкин прошелся по бетонированной дорожке, не забывая при этом заглянуть во все уголки двора. Как-никак, он отвечал за безопасность Свиридовой, а на этом заросшем кустами участке могла спрятаться даже рота солдат с автоматами. Не заметив ничего подозрительного, обогнул дом с правой стороны и остановился прямо перед дверью гаража.

Глава 7

Прошло уже четыре дня с тех пор, как бригада майора Кричевского приступила к выполнению задания. Согласно отработанному совместно с Токаревым плану, Кричевский должен был выходить на связь каждый день ровно в десять утра. Естественно, в случае обнаружения взрывного устройства или задержания подозрительных лиц майор обязан был связаться со своим шефом немедленно, не зависимо от времени суток. Но пока по ночам телефон в доме Токарева молчал, а днем от Кричевского поступал лишь один звонок – ровно в десять.

В общем-то до злополучной даты, когда должен был произойти взрыв, оставалось еще немало времени, и каких-то результатов от команды Кричевского ждать было рано. Но Токарев, сам не зная почему, немного нервничал, думая о Шереметьево. А после сюрприза, который в это утро ему преподнесли какие-то неизвестные типы, и вовсе допустил слабину. Правда, сам он считал это не слабостью, а всего лишь перестраховкой. Решив, что сюрприз каким-то образом имеет отношение к предстоящему взрыву в Шереметьево, Токарев отправился в аэропорт, намереваясь с глазу на глаз переговорить с Кричевским, а заодно и лично проверить, насколько слаженно и профессионально работает оперативная бригада...

А начался этот день как обычно – подъем в семь, зарядка, утренний туалет и завтрак за семейным столом. Потом позвонил шофер и сообщил, что машина уже у подъезда. Поцеловав жену, Токарев поспешил на работу.

Приветливо кивнув шоферу, он устроился на переднем сидении и, как обычно взглянув на часы, скомандовал:

– Все, поехали.

– Поехали, – так же по обыкновению ответил водитель, завел мотор и снял машину с тормоза.

Когда они проехали метров пятьсот, Токарев, бросив взгляд в зеркальце заднего вида, обратил внимание на то, что за ними последовал и темносиний «Форд» с затемненными стеклами, до этого стоявший во дворе его дома.

– Что-то раньше я не видел у нас этого «Форда», – вслух заметил Токарев.

– Я тоже, – поддержал водитель и предположил: – Наверное, чей-то гость...

Токареву такое объяснение показалось вполне обоснованным, и на время он успокоился. Но когда позади остались несколько кварталов и, оглянувшись, Токарев увидел «на хвосте» все тот же темно-синий «Форд», к нему вновь вернулась прежняя настороженность.

– Мне это уже не нравится, – поделился своими мыслями полковник.

– Что именно? – не понял водитель.

– «Форд».

Шофер бросил беглый взгляд на зеркальце заднего вида и подтвердил:

– Точно, тот самый.

– Видел, кто за рулем?

– Нет, водила не выходил из машины.

Полковник на мгновение задумался, а потом спросил:

– Как думаешь, не нас ли он ждал?

Водитель неопределенно пожал плечами и предложил:

– Можно проверить...

– Давай, – согласился Токарев и, оглянувшись, постарался запомнить номер преследователя.

Тем временем его водитель, резко крутанув руль влево, свернул с главной улицы в ближайший дворик и, затормозив, заглушил мотор.

Форд притормозил, пытался перестроиться на третью полосу, но непрерывный поток машин не позволил ему это сделать. Сзади засигналили, и водителю «Форда» не оставалось ничего другого, как продолжить путь по прямой.

– Ну, вот и все, – усмехнулся шофер Токарева и, вырулив на дорогу, продолжил движение.

Вплоть до самой Лубянки темно-синий «Форд» их уже не беспокоил.

Несмотря на то, что рабочий день начался спокойно, а сообщение Кричевского не давало никакого повода для беспокойства, Токарев все никак не мог выбросить из головы утреннее происшествие. Вначале он убеждал себя в том, что повисший на хвосте «Форд» – случайное совпадение.

«Наверное, стал старым, а потому мнительным», – в конце концов решил полковник и, надеясь, что больше уже никогда не возвратится к этим мыслям, занялся обыденными бумажными делами.

Но не прошло и получаса, как он незаметно для самого себя вновь стал думать о таинственном «Форде».

«Может, меня решили подсадить или отправить в отставку, а теперь ищут компромат?» – пронеслось в голове.

Но полковник не стал развивать эту тему, решив вначале выяснить для себя, насколько оправдано предположение о том, что его действительно преследовали. И тут он вспомнил, что прошлым вечером, когда он, выйдя из машины, направлялся в подъезд, со стоянки отъехал какой-то темный автомобиль. Но какой марки была машина, Токарев так и не смог вспомнить. Он чувствовал себя усталым и раздраженным, поэтому и не обратил внимания на такие мелочи. Лишь в одном полковник был уверен на все сто – эта машина была не «местная».

«Поднявшись рано утром и выглянув в окно, «Форда» я не заметил, – продолжил он свое частное расследование. – Перед завтраком тоже. Следовательно, его еще не было... Значит, темно-синий автомобиль появился незадолго до того, как пришла машина из ФСБ, или сразу же после того, как шофер предупредил о том, что ожидает у подъезда. Но что из этого следует?»

Полковник посмотрел на потолок и уже вслух ответил на свой вопрос:

– Из этого следует, что водитель «Форда», приехав, даже не вышел из своей машины. Тоже самое подтверждает и мой водитель...

Токарев вдруг понял, что в очередной раз зашел в тупик. И тогда он попробовал подойти к анализу случившегося несколько с иной стороны.

«За мной кто-то следит, – начал он. – Следит и как-то уж чересчур откровенно. Вечером машина проехала метрах в трех от меня. Сегодня появился тот же самый автомобиль и нагло сел на хвост. Когда мы свернули, он сбросил скорость и пытался последовать за нами. Короче, водитель делал все возможное, чтобы я заметил его... Зачем? И кому это понадобилось?... Стиль слежки в ФСБ несколько иной – это я знаю точно. Следовательно, моя персона вдруг заинтересовала кого-то, кто не является сотрудником нашего ведомства... Но кому я мог перейти дорогу?..»

Токарев принялся перебирать в памяти все свои дела за текущий год.

«А может, это связано каким-то образом с предстоящим взрывом в Шереметьево? – мелькнула догадка. – Меня пытаются запугать... заставить нервничать, ошибаться... Тогда не исключено, что прослушиваются и мои телефонные разговоры... А может быть эти ребята работают, как умеют?..»

– Какая чепуха! – остановил себя Токарев, но через минуту потянулся к телефону и, набрав номер службы автоконтроля, попросил подобрать ему всю информацию по темно-синему «Форду» с соответствующим номером.

Ответ пришел через пятнадцать минут – темно-синий «Форд» с такими номерными знаками в дорожной службе Москвы не зарегистрирован.

Получив такую информацию, Токарев вынужден был признать, что все его аналитические изыскания завершились полнейшим крахом. На душе стало беспокойно. Захотелось с кем-то поделиться своими предположениями. Единственным человеком, которому он мог доверять так же, как самому себе, был Иван Кричевский. Но он находился, увы, не в соседнем кабинете...

«Если допустить, что все это имеет отношение к предстоящему взрыву в Шереметьево, и террористы уже начали зондировать почву, следует усилить контроль и с нашей стороны, – решил Токарев. – Следовательно, встреча с Кричевским жизненно необходима и даже неизбежна».

Набрав номер шофера, полковник попросил, чтобы тот подготовил автомобиль к выезду. Затем отстучал по клавишам код Кричевского.

– Омега, – коротко ответил тот.

– Два семь восемь, – скороговоркой проговорил Токарев и коротко сообщил: – Я буду у тебя через час. Жди.

– ЧП? – уточнил Кричевский.

– Все узнаешь на месте.

– Хорошо. Жду.

На этом их диалог и закончился.

Положив трубку, Токарев поднялся с кресла и не спеша подошел к окну. Выглянув на улицу сквозь узкие щели жалюзи, он обнаружил, что его служебная машина уже стоит у главного входа.

Добравшись по лабиринту цокольного этажа до заветной двери, полковник Токарев, отстучал по клавишам секретный код и дернул ручку на себя. Полковнику даже не пришлось тратить особых усилий – дверь подалась легко.

«Неделю назад эту «скрипучку» можно было открыть только автогеном. Теперь совсем другое дело, – отметил про себя Токарев. – Похоже, технические службы здорово потрудились...»

– Полковник? – Кричевский окликнул Токарева раньше, чем тот успел переступить порог.

– Собственной персоной, – отозвался полковник и прошел в помещение, до отказа заполненное мониторами и прочей необходимой для слежения аппаратурой.

Яркий свет заставил его прищуриться.

– Согласен – лишком светло, – подал голос Кричевский. – Но это помогает не заснуть на посту...

Встав из-за пульта, майор подошел к дивану, на котором укрывшись с головой спал компьютерщик, и несколько раз толкнул его в плечо. Высунув из-под одеяла голову, Скурехин зевнул и недовольно поморщился.

– Что, уже моя очередь?

– У нас гость, – пояснил Кричевский. – Мне нужно с ним перекинуться парой-тройкой слов. Так что замени меня. Потом опять ляжешь.

– Хорошо, – пробормотал компьютерщик и, нехотя встав, поплелся к пультам.

Кричевский жестом предложил полковнику присесть. Однако тот, секунду поколебавшись, не последовал приглашению майора. Кричевский вопросительно посмотрел на Токарева. Но тот не спешил с объяснениями.

– Разговор конфиденциальный? – догадался майор.

Токарев утвердительно кивнул.

– Будет лучше, если мы переговорим с глазу на глаз.

– Тогда выйдем в соседнее помещение, – Кричевский покосился на стальную дверь и, как бы извиняясь, добавил: – Там, правда, завалено все хламом, пыльно и паутина на стенах, но поговорить можно.

– Вот и отлично, – обрадовался Токарев и первым направился в указанном направлении.

Но Кричевский опередил его и, не без труда открыв дверь, пропустил полковника вперед. Затем последовал за Токаревым и, плотно захлопнув дверь, виновато пробормотал:

– К сожалению, стульев здесь нет.

– Они ни к чему, – успокоил Токарев и, окинув взглядом комнату, заваленную отслужившей свой век аппаратурой, перешел к делу: – Кто-то следит за мной, и мне это очень не нравится.

Вопреки его ожиданиям, Кричевский отреагировал спокойно.

– Неужели свои? – полюбопытствовал он.

– Нет. Почерк не тот.

– То есть?

– Я заметил хвост лишь сегодня утром, хотя должен был обнаружить, что за мной следят, гораздо раньше, – вздохнул Токарев и поведал другу о темно-синем «Форде».

Кричевский выслушал шефа молча, не перебивая и не задавая наводящих вопросов. А когда тот закончил, недоумевающе пожал плечами.

– Что-то я ничего не понимаю... Кому это нужно и зачем?

– Я тоже, – искренне признался Токарев. – Могу лишь предполагать.

Выдержав небольшую паузу, он принялся размышлять вслух:

– Сомневаюсь, что кто-то решил меня убрать. Но слежка и прослушивание моего домашнего телефона явно указывают на то, что от меня ждут какой-то информации. Но сейчас я веду лишь одно дело...

– Значит, ты думаешь, что все это каким-то образом связано с предстоящим терактом? – догадался Кричевский и хлопнул ладонью по голове. – Ну да, конечно, иначе зачем бы ты сюда приехал? Кстати, тебя не провожали?

Токарев отрицательно покачал головой.

– На этот раз хвоста не было.

– Почему?

– Не знаю.

– Но насколько я понял, у ребят серьезные намерения, – в голосе Кричевского проскользнула легкая ирония.

– Именно поэтому я и хотел бы услышать от тебя более подробный и основательный отчет о положении дел в аэропорту, – перескочил Токарев на волнующий его вопрос. – Может быть, следует внести коррективы в наш план, усилить контроль, увеличить численность команды?

– По-моему, ты паникуешь, – категорично проговорил Кричевский. – А насчет последнего твоего пунктика могу сказать только одно – коней на переправе не меняют. Впрочем, думаю, ты и сам это понимаешь. А теперь насчет контроля...

Кричевский усмехнулся, шагнул к двери и приглашающе кивнул:

– Пошли и ты сможешь убедиться, что и с контролем у нас все «о'кей».

Токареву не оставалось ничего другого, как последовать примеру майора.

Подведя полковника к сгорбившемуся над пультом компьютерщику, Кричевский указал на верхний ряд мониторов.

– Шесть камер контролируют подходы к подсобным помещениям, которые расположены на цокольном этаже. Еще три установлены непосредственно в подвальных помещениях.

– Но ведь можно и кое-что упустить, не досмотреть? – засомневался Токарев.

– Для этого существует система страховки, – вмешался в разговор Скурехин.

Токарев недовольно посмотрел на выскочку-компьютерщика.

– То есть?

– То есть, – пояснил тот, – компьютер самостоятельно осуществляет контроль за всеми, кто находится в поле зрения камер.

Токарев напустил на лицо глубокомысленное выражение и кивнул. Но пронизательного Скурехина обмануть было крайне трудно – он сразу понял, что полковник просто-напросто ни во что не врубается.

– В компьютер заложены данные всех сотрудников аэропорта и милицейской бригады, которая осуществляет дежурство в здании, – как можно тактичнее начал компьютерщик. – Появления каждого из них фиксируется компьютером. Если в коридоре цокольного этажа появляется незнакомый человек, на пульт поступает сигнал. А это значит, что если чужак рискнет сунуться сюда, то моментально будет обнаружен.

– А если не чужак?

– Милиционер или сотрудник аэропорта? – взял инициативу в свои руки Кричевский.

– Да.

– Преимущественно, за ними мы и следим. Особенно, если у кого-то при себе дипломат или что-либо подобное.

– Понятно, – по-деловому протянул полковник и пробежался глазами по верхнему ряду мониторов. – А это, насколько я понял, холл, кассы, бизнес-клуб, ресторан...

Внезапно он стушевался и смущенно кашлянул.

– И даже туалеты, – усмехнулся Кричевский. – Что подделаешь, приходится следить и за женщинами...

– Не увлекайтесь особенно, – Токарев шутливо пригрозил пальцем.

– Да куда там, – пожал плечами Кричевский. – Это, скорее, отталкивающее зрелище.

– Но любопытное... – буркнул себе под нос Скурехин.

– Что? – нахмурил брови Кричевский.

– Да нет, ничего, – компьютерщик сделал вид, что занят исключительно своими проблемами и, что его реплика относится к иной теме.

Решив, что лирическое отступление слишком затянулось, Кричевский вновь перешел к главному вопросу.

– Знаешь, я оказывается, порядком оторвался от технического прогресса. И даже если ничего не случится, а я допускаю и такое, общение с этой грудой аппаратуры очень здорово расширит круг моих знаний. Например, датчики тепловой локации для меня, по правде сказать, новость. Вот взгляни, на тот справа, – Кричевский указал на нижний ряд мониторов. – Он установлен перед главным входом. Фактически, радиус его действия охватывает весь холл. Датчик просчитывает все предметы, составным компонентом которых является металл. Анализирует объем и структуру предмета. Потом компьютер роется в своей памяти и, если ему удастся обнаружить хоть малейшее сходство предмета со взрывным устройством, через пару секунд мы получаем сообщение. А сам компьютер автоматически продолжает «вести» объект. Другими словами, благодаря этой чудо-технике мы можем осуществлять тотальный контроль всего здания аэропорта...

– Если бы компьютеры вдобавок ко всему еще занимались и задержанием... – с иронией заметил Токарев.

– Нет, ту часть работы, за которую обычно дают медали, лучше предоставить людям, – в тон шефу ответил майор и уже серьезно продолжил: – Преступник обнаружен. Дальше начинает действовать команда. Сейчас на дежурстве Заводчиков и Полозков. Уверен, уйти от этих ребят не так-то просто. По крайней мере, задержать террориста или нескольких террористов минут на десять они в состоянии. А этого времени достаточно, чтобы подоспели и остальные. Больше того, уверен, что к помощи местных охранников прибегнуть не придется, хотя, согласно нашему плану, они тоже будут оповещены перед началом операции по задержанию.

Кричевский, как бы подводя итог, устало развел руками.

– Вот и все. Мне кажется, предпринятых мер вполне достаточно, чтобы спать спокойно. Поверь, старик, с Шереметьево ничего не случится. Еще сто лет простоит... А ребята не подведут. Это такие орлы! В них я уверен на все сто.

– Тотальный контроль, говоришь... – уже более спокойно проговорил Токарев. – Хотелось бы верить...

– По крайней мере, я чувствую себя вполне уверенно.

– Ну, хорошо, считай, успокоил, – полковник дружески похлопал Кричевского по плечу. – Я очень надеюсь на тебя. Не прими это за оскорбление, но двадцать шестого одну оперативную бригаду я все-таки буду держать в полной боевой.

Кричевский лишь пожал плечами.

– Это твое право.

– Но зато двадцать седьмого готовься к банкету.

– А может, лучше на рыбалку? – усмехнулся Иван.

– А вот это уж твое право, – Токарев суетливо посмотрел на часы. – Ну, мне пора.

Пожав на прощание руку Кричевскому и пожелав удачи, полковник торопливо направился к выходу. В управлении Токарева ждали неотложные дела. Большею частью бумажные.

– Если что, заходи... – бросил ему вслед Иван.

– Способность шутить – это хороший знак, – не оборачиваясь, ответил Токарев и, толкнув дверь, вышел из комнаты.

Глава 8

Толоконников не верил своим ушам – Игорь Блинов, его старый товарищ по военному училищу жив и здоров, и выглядит, как нельзя лучше. Мономах раз за разом заставлял Дардыкина повторять всю эту историю с самого начала, и в конце концов решил, что это всего лишь случайное совпадение. Мало ли в России Игорей Блиновых, тем более, что гость Свиридовой, по описанию Лехи, не был похож на погибшего товарища. Совпадали только рост и телосложение, а цвет волос, глаз, форма носа и губ были совершенно иными. Хотя внутренний голос подсказывал Толоконникову, что такие детали, как нос и глаза можно запросто изменить. Поэтому он поручил Лехе при первом удобном случае сфотографировать друга Свиридовой, дабы убедиться – его подозрения небезосновательны. Даже снабдил Леху новомодной новинкой – маленьким фотоаппаратом, который умещался в нагрудном кармане.

После ухода Лехи Мономах долго не мог успокоиться. Его не покидало тревожное предчувствие, что Юлии грозит опасность. Если верить Лехе, за прошедшие четверо суток с его клиенткой ничего особенного не произошло. Свиридова и ее друг почти все время проводили в доме, Дардыкин скучал внизу, во дворе, и никаких подозрительных машин и пешеходов в окрестностях не наблюдалось. Но сегодня был понедельник, тяжелый день. Юлия рискнула покинуть своего Игоря и отправилась в офис. Леха вызвал себе замену, чтобы иметь возможность увидеться с Мономахом и сообщить ему о последних новостях...

Неизвестный мужчина, носящий фамилию Блинов, все больше и больше вторгался в раздумья Толоконникова, и это его озадачивало.

«Почему я уверен, что гость Свиридовой и есть Игорь? – принялся размышлять он. – Да потому, что такой ловкий и умный человек не мог погибнуть! Ходили слухи, что люди из ФСБ симитировали его гибель, дабы сделать Блинова секретным агентом. Что ж, это вполне может быть. Говорят, гроб с телом даже не открывали. Никто не видел Игоря мертвым, но с тех пор, как он погиб, никто не видел его и живым».

Мономах закрыл глаза и попытался вспомнить тот дождливый день, два года назад, когда хоронили майора Блинова. В силу объективных причин он не смог поехать на кладбище. Во-первых, ему никто ничего не сообщил. Во-вторых, в день похорон Игоря Толоконников как раз вернулся из Абхазии. Но он мог успеть бросить горсть мокрой земли на крашенную, деревянную крышку. Мог, но не бросил...

В тот день лил дождь, и Игорь промок до нитки. Однако ничто не могло испортить его счастливого настроения. Он спустился по трапу самолета, набрал полные легкие воздуха и счастливо засмеялся – слава Богу, на родной земле. Жив, здоров, и ни одной царапины. Возможно, именно в это время над гробом Блинова играл военный оркестр, а молоденькие солдатики давали залп в воздух...

Поболтавшись по аэродрому в поисках средства передвижения часа этак три – четыре, Мономах понял, что машины им не видеть, как своих ушей. Злой и полный решимости он отыскал в низеньком здании аэропорта какого-то лысого майора и на повышенных тонах принялся объяснять ему свои права. Дескать, ему и его спецотряду срочно требуются колеса. Срочно и немедленно!

Несмотря на благодушный вид, майор оказался крепким орешком – молча выслушал Сергея, пообещал помочь и, словно сквозь землю провалился.

Возможно, в этот самый момент, когда Мономах пытался дозвониться до своих непосредственных начальников, гроб с телом Игоря опускали в землю. Но Сергей не узнал об этом никогда...

Их погрузили в машину и отвезли на территорию одной из засекреченных военных частей. Толоконников переоделся и отправился в Москву. В части он разговаривал с тремя

полковниками, которые могли сообщить Мономаху о смерти друга. Но никто не удосужился сделать это. Почему? Лишь спустя неделю он узнал, что Игорь погиб в авиакатастрофе. Самолет, в котором находился отряд Блинова, взорвался в воздухе. Они летели в Сербию, и отнюдь не с мирной миссией. После катастрофы сербские ребята еще долго находили на своей территории детали от автомата Калашникова, вещмешки с сухим пайком и прочие атрибуты спецотряда.

Потом ходили разные легенды, дескать, Блинова в самый последний момент сняли с рейса. Но Сергей не верил этому. Во-первых, если бы Игорь остался жив, он бы обязательно связался с ним. А во-вторых, ведь у Блинова осталась семья – жена и двое маленьких сыновей. Что бы там не говорили, а бросить их Игорь никак не мог. Не таким он был человеком...

«А почему, собственно, «был»? – с болью подумал Толоконников. – Ведь еще несколько минут назад я был почти уверен, что Игорь жив... А вдруг и вправду все это время он находился где-нибудь далеко. А сейчас взял и приехал. Где найти меня, он не знает...»

Чтобы расставить все точки над «Б», Мономах решил позвонить Людмиле Блиновой. Ее домашний телефон он помнил наизусть. Быстро набрал номер и принялся считать длинные гудки. Он не был уверен, что застанет Людмилу дома, поэтому очень удивился, когда услышал в трубке мелодичный женский голос.

– Аллю?

– Здравствуйте, – поздоровался Мономах. – Я могу поговорить с Людмилой Блиновой?

– Да, я вас слушаю.

– Вас беспокоит Сергей Толоконников, – немного растерянно начал Мономах, – друг вашего мужа, – у него не повернулся язык сказать «покойного мужа».

– Сергей?! Господи, неужели это ты? – в голосе Людмилы послышалась искренняя радость. – И почему так официально, на «вы»?

– Ну, как тебе сказать... Честно говоря, думал, что ты меня не узнаешь.

– Как?! – казалось, еще немного, и Людмила заплачет. – Мне всегда приятно, когда звонят бывшие друзья Игоря. Я вас всех помню и люблю. Почему вы совсем позабыли меня?..

– Извини, у каждого из нас своя жизнь, – принялся оправдываться Сергей. – Свои проблемы...

– После гибели Игоря вы совсем забыли дорогу в мой дом, – с укоризной сказала Людмила. – Зашел бы, как-нибудь. Адрес, надеюсь, помнишь?

«Значит, мои предчувствия не оправдались, – с грустью подумал Толоконников. – Игоря нет в живых... А я-то возомнил себе черт знает что!»

– Извини, Людмила, как-нибудь обязательно заеду, – пообещал он. – Я ведь теперь не совсем вольный человек. У меня своя фирма, я по уши погряз в работе, короче говоря, если не покрутишься, то ни черта не заработаешь.

– Ты стал бизнесменом? – искренне удивилась женщина.

– Да. У меня собственная охранный фирма.

– А как же армия? – растерянно пробормотала Людмила. – Тебе же нравилось служить...

На мгновение она замялась, не зная, можно ли обсуждать по телефону бывшую работу Сергея.

– Меня уволили из армии по инвалидности, – Сергей решил не вдаваться в подробности своего ранения. Это могло расстроить Людмилу еще больше.

Он мило попрощался, повесил трубку и постарался выбросить из головы все свои домыслы и предположения. Однако спустя несколько часов Мономах, сам того не желая, вынужден был вернуться к прерванным размышлениям...

В половине пятого Леха Дардыкин влетел в кабинет Мономаха со спринтерской скоростью, словно сдавал зачет по стометровке. Ни слова не говоря, бросил на стол шефа несколько снимков, сделанных «Поляроидом».

– Вот он, твой Игорь Блинов, – выдохнул он и со всего размаху плюхнулся в кресло.

– Не ожидал, что ты справишься так быстро, – искренне удивился Мономах.

– Это не я постарался, а один знакомый фотограф, – нехотя признался Леха. – Этот Игорь заезжал в офис к Свиридовой. Пока они обсуждали свои дела, я звякнул Севе и попросил его подскочить по указанному адресу с фотоаппаратом. Сева примчался через пятнадцать минут. Ему удалось незаметно снять этого хмыря, когда тот выходил из здания.

– Кто такой Сева?

– Мой старый должник, – отмахнулся Дардыкин, явно не желая заострять внимание на личности фотографа. – Короче, фото у тебя. Делай с ним, что хочешь... Правда, этот Блинов вышел не ахти как – все-таки, не позировал перед объективом. Даже «чизз» не успел сказать.

– Да нет, детали его физиономии видны отчетливо, – не согласился Толоконников, внимательно рассматривая фотографии. – Нос, глаза, форма подбородка...

– Ну, похож этот Блинов на твоего Блинова? – от нетерпения Дардыкин даже заерзал на месте.

Мономах отрицательно покачал головой.

– Вроде, не очень... Хотя...

– Что «хотя»? – занервничал Леха. – Говори быстрее, а то мне бежать надо.

– Знаешь, мой Блинов был немного моложе, – совершенно серьезно ответил Мономах.

В первое мгновение Дардыкин не понял, что его просто-напросто подкалывают. Он нахмурил брови и перегнулся через стол, намереваясь рассмотреть снимки. Потом в его глазах появилось недоумение и обида.

– Ладно, я пошел, – недовольно буркнул он и встал. – А то твои дурацкие шуточки у меня уже в печенках сидят.

– Не обижайся, Леха, – миролюбиво проговорил Мономах. – Я так сразу не могу дать определенный ответ – Игорь это или нет. Заключение должен сделать эксперт, сравнив два снимка – тот, что ты принес и второй, трехгодичной давности, на котором изображен настоящий Игорь Блинов. Ясно?

– Ясно, – кивнул Дардыкин, мгновенно перестав злиться и нервничать.

Он ушел, а Толоконников еще долго рассматривал принесенные Дардыкиным фотографии. Мужчина, которого Юлия Свиридова называла Игорем Блиновым, на первый взгляд не имел с погибшим другом Мономаха ничего общего. Темный шатен, почти брюнет, матовая кожа, черные брови – про таких говорят, что у них в жилах течет цыганская кровь. А настоящий Блинов был темно-русый, с белесыми бровями и ресницами. Правда, линия подбородка, губы и лоб показались Толоконникову до боли знакомыми. Мужчине на снимке можно было дать лет тридцать пять, а Игорю (в данное время) как раз исполнилось бы тридцать.

И все же через полчаса Мономах пришел к весьма странному выводу – пятьдесят процентов из ста, что гость Свиридовой и есть воскресший покойник Блинов. Чтобы удостовериться в правильности своего предположения, он позвонил знакомому эксперту, ранее работавшему в отделе криминалистики, и переслав по электронной почте две фотографии, попросил того сделать заключение – на снимках изображен один и тот же человек или нет? Через полчаса пришел ответ: согласно специальной программе по идентификации личности некоторые части лица Игоря Блинова полностью совпадают с частями лица неизвестного мужчины, сфотографированного «Поляроидом». Компьютер высказал предположение: эти двое – близкие родственники.

Такое заключение заставило Толоконникова заволноваться. Мог ошибиться он сам, мог ошибиться и эксперт, но бесстрастная машина никак не могла допустить такую оплошность.

«Если предположить, что гость Свиридовой и есть воскресший покойник Игорь Блинов, то почему он не сообщил жене о своем возвращении? – растерянно подумал Мономах, до боли в глазах вглядываясь в фото неизвестного. – Да, все это как-то странно... Странно и слишком

нереально, чтобы быть правдой. Допустим, Игорь не погиб в авиакатастрофе. Допустим, его смерть организовали фээсбэшники, чтобы подцепить на крючок классного агента... Этот старый, как мир трюк мы уже проходили – мнимая смерть, пластическая операция, новый паспорт... Но почему Игорь согласился участвовать в этой аванюре? Что побудило его отказаться от семьи, изменить внешность, начать новую жизнь практически с нуля? Должна была возникнуть веская причина, чтобы Блинов взял и бросил на произвол судьбы жену и двух прелестных ребятишек... Правда, фээсбэшники умеют закручивать гайки и создавать такие условия, что человек волком взвояет и согласится на все, что угодно, лишь бы его оставили в покое».

Он отъехал к окну и приподнял жалюзи. На улице шел дождь, и это почему-то дурно сказалось на настроении Мономаха. Как-то не верилось, что Игорь Блинов мог просто так сдаться и пойти на поводу у генералов. Тем более, столько лет не подавать о себе никаких известий.

«Ну уж Людке этот обормот мог сообщить, что жив и здоров, – Толоконников даже немного обиделся за жену друга. – Ладно, я... А Людка ведь сколько убивалась, пока свыклась с мыслью, что Игоря больше нет... Интересно, зачем он приперся в Москву? Новое задание?... Вряд ли – здесь и своих умельцев хватает. Тогда зачем?»

Перед глазами Мономаха появилось лицо Юлии Свиридовой, которая, если верить Лехе, знала Блинова еще до «гибели». Значит, знала его другим, таким, каким помнил Толоконников – веселым, бесшабашным, добрым. Тот, прежний Игорь мог подбить кого угодно на любую авантюру. Даже самых осторожных и недоверчивых.

«Впрочем, Леха утверждал, что Блинов и на этот раз пустил в ход все свое мужское обаяние, дабы уломать Юлию подцепить на крючок какого-то жирного клиента. По словам Лехи, Блинов собирался его шантажировать, а от Свиридовой требовал только одного – завлечь клиента и усадить его в свой автомобиль».

В этот момент Толоконников отчетливо осознал, что Блинов появился в Москве не случайно. Какое-то предчувствие подсказывало – Игоря хотят использовать в какой-то грязной игре, а он, в свою очередь, втягивает туда Свиридову.

«Ладно, на минуту представим, что Блинов получил новое задание, – принялся размышлять Мономах. – Но какое?... Спецслужбы ФСБ чаще всего являются узаконенными убийцами, и Игорь, скорее всего, не является исключением. Но тогда при чем здесь шантаж? Из разговора с Юлией явственно следует, что Блинов собирается тряхнуть какого-то важного чина (банкира, чиновника, генерала, наконец, бизнесмена?) и заставить его работать на ФСБ. Заставить работать или убрать?... Что ни говори, но Блинов мало похож на мирного парламентаря. Скорее, на убийцу. Допустим, он получил задание кокнуть этого клиента, но зачем ему Юлия? Или он уверен в ней на все сто, или...»

Толоконников вытер выступившую на лбу испарину и резким движением закрыл жалюзи. В кабинете сразу стало темно, но Мономах не спешил включать электричество. Полумрак наваял в его бедную голову такие черные предположения, что Толоконникову стало не по себе. В то же время, свет мог сбить его с мысли, и тогда прощай, истина!

«Фээсбэшники никогда не посвящают в свои планы посторонних людей, – подумал Мономах. – А Юлия Свиридова – посторонняя. Допустим, ее хотят использовать в качестве приманки. Но разве есть гарантия, что после окончания операции она будет молчать? В том то и дело, что нет. Тогда почему Блинов так нахально просит ее об одолжении? Значит, он получил согласие своих непосредственных боссов. А ведь добро дается только в одном-единственном случае – когда посредника (в данном случае Свиридову) после окончания операции должны убрать».

Придя к таким неутешительным выводам, Мономах немного расслабился и даже вздохнул с облегчением. За несколько часов ему удалось разгадать две тайны – тайну перевоплощения Блинова и понять, с каким заданием он прибыл в Москву. Честно говоря, ему не очень-то

верилось, что Игорь смог согласиться подставить под удар женщину. Тем более, свою бывшую и, возможно, настоящую любовницу. Точнее, не хотелось верить в такую мерзость. Собрав в кулак всю свою волю, он решил отбросить в сторону сентименты и постарался посмотреть на это глазами постороннего.

«А почему, собственно, я уверен, что Блинов по-прежнему добрый и прекрасный человек? За два года он вполне мог стать совершенно другим. Люди меняются, и причиной их перемен, как это не прискорбно, являются деньги... Блинов всегда хотел жить в достатке, и если вначале он согласился на эту авантюру с собственными похоронами из чувства патриотизма, то теперь, возможно, им движет совсем другое. Ему хорошо платят, и он из кожи вон лезет, чтобы оправдать возложенное на него доверие».

Во всей этой ситуации Мономаху было жаль только одного человека – Юлию Свиридову. А так как она являлась его клиенткой, то Толоконников был просто обязан уберечь ее от грозящей опасности. Как это сделать, Мономах не знал. Точнее, пока не знал. Конечно, он мог поговорить с Юлией и высказать свои предположения, но не было полной уверенности, что женщина ему поверит.

Короче, Мономаху оставалось только сидеть и ждать того момента, когда Блинов начнет активизироваться. А пока Игорек будет расправлять крылышки, Толоконников должен просчитывать каждый его шаг, дабы предусмотреть все возможные варианты спасения Свиридовой.

Вот такую нелегкую задачу взвалил на свои плечи Мономах. Особенно, если учесть то, что он больше не мог самостоятельно передвигаться. Единственным связующим звеном с внешним миром, точнее с Юлией, оставался Леха Дардыкин. А этот вспыльчивый парень мог наломать ой, как много дров. Ему не хватало выдержки и хладнокровия Мономаха, но зато он мог свободно владеть всеми приемами борьбы, огнестрельным и холодным оружием, а самое главное – ходить.

Глава 9

До предполагаемого теракта оставалось ровно четыре дня. Это означало, что команда Кричевского с восьми часов утра должна была перейти на сверхжесткий график дежурства. В ближайшие несколько дней на сон каждому отводилось не больше трех – четырех часов в сутки. Но парни особенно не расстраивались, зная, что впереди, начиная с двадцать седьмого, их ждет недельный отпуск. Конечно, любому из них перед тем, как уйти на отдых, хотелось совершить хотя бы небольшой подвиг, но в основном изо дня в день их ждала самая что ни на есть рутинная работа. Так что особого удовлетворения от служебных будней члены команды не получали. Особенно были недовольны своей судьбой борцы, которым каждый день приходилось перетаскивать на себе едва ли не тонну груза. Попов тоже трудился на благо аэропорта без особого энтузиазма. Но оставшиеся три дня обещали стать еще более тяжелыми в буквальном смысле этого слова. Однако позволить себе расслабиться никто не мог. Хотя бы потому, что с каждым днем вероятность появления террористов увеличивалась.

Что же касается микроклимата в команде, то отношения между ее членами были пронизаны скорее духом конкуренции, нежели дружеского участия. Каждый знал – окажись он в трудной ситуации, любой поспешит ему на помощь, но сделает это только для того, чтобы лишний раз доказать свое превосходство. Именно поэтому каждый из пятерых надеялся на себя и старался четко выполнять поставленную перед ним задачу. Шестой, Кричевский, тоже не был исключением из этого правила. В тоже время он четко осознавал, что правила, по которым живет команда, придуманы им, и что только он, а не кто другой в ответе за все. Но пока особых причин для беспокойства не было, и майор по-прежнему чувствовал себя уверенно.

Буднично начался и этот день. Прежде, чем прилечь после бессонной ночи Кричевский решил все-таки дожидаться, когда команда приступит к дежурству в полном составе. Убедившись, что все в норме, он оставил за пультом компьютерщика, а сам направился к дивану, намереваясь слегка вздремнуть. Но его безмятежный сон продолжался недолго.

Проснулся Кричевский от непонятных толчков. Над ним стоял Скурехин и изо всех сил дергал за рукав пиджака.

– Командир, проснись!.. Командир! – возбужденно повторял компьютерщик. – Ну вставай же, вставай! Тревога!

По покрасневшему лицу Скурехина, Кричевский понял, что-то стряслось. Вскочив с дивана, бросился к пульту и, пробежав глазами по экранам мониторов, потребовал:

– Докладывай, в чем дело!

– Четвертый в нижнем ряду, – взволнованно произнес компьютерщик.

Кричевский взглянул на монитор и увидел двоих типов в кожанках и потертых джинсах. Они, о чем-то переговариваясь, возились с огромной спортивной сумкой у одной из ячеек камеры хранения.

– Их засекли датчики тепловой локации, – торопливо заговорил Скурехин. – Похоже, у них в чемодане бомба.

– Похоже или бомба? – в голосе Кричевского послышалось раздражение.

Компьютерщик ткнул пальцем на один из нижних экранов.

– Посмотрите сами.

– Действительно, сходство есть, – вынужден был признать Кричевский, внимательно рассматривая плоский металлический предмет. – Очень подозрительная коробочка...

Оторвав взгляд от экрана, он резко повернулся к Скурехину.

– Где эти парни?

– Они вышли из камер хранения и движутся в направлении кафе.

– Вооружены?

– У одного что-то вроде финки, пистолетов нет.

– Это уже хорошо, – удовлетворенно кивнул Кричевский и, переключив камеры, принялся наблюдать за перемещениями предполагаемых террористов. – Во всей этой истории меня смущает лишь одно – почему они не прихватили с собой пушек. Неужели настолько уверены в себе?

– Не знаю, – пожал плечами Скурехин. – Но, судя по поведению, настроение у них неплохое. Да и чувствуют себя как-то уж чересчур раскованно.

– Значит, уверены, что взрыв произойдет не сейчас, – заключил Кричевский.

– Вполне возможно, – согласился компьютерщик. – Но, окажись я на их месте, то предпочел бы поскорее смотаться отсюда.

– Ты прав, – кивнул майор. – Они действуют как-то нелогично.

Скурехин вопросительно посмотрел на командира.

– Будем брать?

– Не спеши, – Кричевский на мгновение задумался. – Бомба может иметь радиоуправляемый блок. Я даже уверен в том, что так оно и есть. Следовательно, если мы их спугнем, то тем самым рискуем спровоцировать взрыв, даже если он и не был запланирован на сегодня.

– Что же делать?

– Не суетиться. Не бить в колокола. Постараться на первом этапе обойтись своими силами. То есть, вначале обезвредить бомбу, а потом как можно аккуратнее взять и этих двоих.

Кричевский взял со стола рацию и включил сигнал оповещения.

– Внимание! – сухо проговорил он. – Полная готовность! Начинаем работать.

Сделав небольшую паузу, Кричевский перешел к переключке.

– Приказчиков?

– На месте, – моментально отозвался стрелок. – Жду распоряжений.

– Попов? – продолжил командир.

– Базируюсь в районе билетных касс.

– Перемещаешься в направлении камер хранения. Все понял?

– Да. Выполняю.

– Заводчиков?

– Только загрузил клиента в такси, – из динамика донеслось тяжелое дыхание борца.

– Отдохни чуток в кафе.

– Это приказ?

– Да.

Кричевский бросил короткий взгляд на мониторы и позвал последнего:

– Полозков?

Однако тот не ответил.

– Полозков, мать твою! – не сдержался командир.

– Я все слышу, – послышался негромкий голос Маленького Андрея. – Я в туалете. Здесь масса народу...

– Немедленно отправляешься к своему другу.

– В кафе?

– Да.

– С удовольствием!

– Кажется, все, – устало выдохнул Кричевский. – Небольшая пауза, и начинаем второй этап.

– Попов вошел в помещение камеры хранения, – прокомментировал происходящее на экранах компьютерщик. – Большой Андрей у входа в кафе, Маленький поднимается по лестнице...

– Отлично, – кивнул Кричевский и поднес рацию к самым губам. – Попов?

– Вошел в помещение.

– Отправляйся в дальний угол. Четвертый ряд. Вскроешь верхний, седьмой от стены, ящик. Там большая спортивная сумка. В ней упаковка. Возможно, бомба.

– Все понял, – холодно ответил взрывник. – Выполняю задание.

– Но предупреждаю тебя, Попов, – окликнул взрывника Кричевский. – Прежде, чем мы убедимся, что там действительно бомба, никакой эвакуации не будет. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Да.

– И поосторожнее.

– Я же ювелир...

– Вот и отлично, – Кричевский поднял глаза на экран, и попытался определить внутреннее состояние взрывника.

Оставшись довольным хладнокровным выражением лица Попова и его четкими уверенными движениями, майор не удержался от комментария.

– Держится молодцом...

Но Скурехин, продолжив свою констатацию, не дал майору договорить.

– Большой Андрей занял столик у двери. Маленький на подходе. Приказчиков по-прежнему ждет указаний на своем месте.

– Пусть ждет, – скомандовал Кричевский и вновь заговорил в микрофон: – Сообщение для Андреев. Особое внимание к столику у окна. За ним двое посетителей в кожаных, потрепанных куртках. Один худощавый, лысый, с рыжеватыми усами. Второй – чуть ниже и пошире – кавказской национальности... Гость с юга, едреня феню!

– Объект вижу, – послышался голос Большого Андрея. – Беру под контроль.

– Пока никаких движений, – предупредил Кричевский. – А ты, Полозков, постарайся устроиться поближе к этим ребятам.

– Будет сделано, – коротко бросил Андрей Маленький.

– И ждите указаний. Они могут поступить в любую секунду, – закончив работу с борцами, Кричевский позвал стрелка: – Приказчиков.

– По-прежнему читаю газеты, – недовольным голосом ответил тот. – Больше никаких новостей. Если не считать того, что в Сербию прилетел король.

– Ладно, Саша, не нервничай, – смягчил интонацию майор. – Есть дело и для тебя. Присмотри за лестницей, ведущей к буфету, и за спуском в камеру хранения. Возможно, они пришли не вдвоем... Если заметишь что-либо подозрительное, немедленно сообщи.

– Хорошо, – все тем же тоном ответил Приказчиков. – Сообщу.

Прекрасно понимая, что самая трудная задача выпала взрывнику, Кричевский вновь переключил на него все свое внимание.

– Попов, что там у тебя?

– Пока ничего, – протянул тот.

– Комментируй каждое свое движение, – потребовал майор. – Это приказ.

– Изъял из ящика сумку, – на этот раз Кричевский почувствовал, что Попов слегка нервничает. – Открыл... Внутри завернутая в газету жестяная банка. Что делать дальше?

– Главное – не вскрывай! Проверь наличие часового механизма.

Кричевский напряженно вгляделся в экран.

Попов, сгорбившись на сумкой, поднес коробку к уху.

– Ну, – поторопил майор.

– Тикает, – выдавил из себя взрывник. – Приступить к обезвреживанию?

– Нет. Положи назад и ничего больше не предпринимай. Жди меня.

– А как же люди? Вокруг много людей.

– Я прикажу всех убрать. А пока соберу инструмент. Сумку поставь в ящик. Так будет надежнее.

Попов осторожно опустил жестяную коробку назад в сумку. Потом так же осторожно поднял сумку и поместил ее в ячейку.

– Все. Жду, – отчитался он.

Кричевский быстро сменил рацию на сотовый и, набрав номер Токарева, скороговоркой представился:

– Майор Кричевский.

– Что-то засекли? – догадался полковник.

– Бомба в камере хранения.

– Справитесь сами? – голос Токарева зазвучал взволнованно. – Есть ли необходимость в эвакуации?

– Нет. Бомба пустяковая – часовой механизм.

– Террористы задержаны?

– Пока ведем.

– Берите. Но без шума. Милиция в курсе? А то еще пальнут по вас...

– Ждал распоряжения.

– Тогда считай, ты его получил одновременно с чрезвычайными полномочиями. С МВД я свяжусь сам и немедленно. Машина с оперативниками уже вышла. Так что через минуту-другую можешь начинать. Я тоже выезжаю.

– Тогда, до встречи, – Кричевский отложил в сторону сотовый и перевел взгляд на монитор, фиксировавший события в кафе.

Андрей Большой по-прежнему сидел за столом у входа, Маленький – через столик от террористов. Те же, как ни в чем не бывало попивали водку и закусывали шашлыками. Судя по их раскрасневшимся лицам и раскованным движениям, чувствовали они себя, как дома. Видимо, личная безопасность в этот момент волновала их меньше всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.